МАРИНА ГРЕЙДЖОЙ
ФЛАМЕНХОЛЛ
АКАДЕМИЯ ДРАКОНОВ
ЧАСТЬ 2
ТУРНИР СТИХИЙ

Марина Грейджой

Академия Драконов «Фламенхолл». Часть 2. Турнир Стихий

https://litres.ru/74377403
SelfPub; 2026

Аннотация

Столетиями Пирион стоит на семи чёрных ярусах, и чем выше ярус, тем гуще там кровь и золото. Таким, как я, дорога только в самый низ — к печам, копоти и дешёвой меди.

И как же мне повезло: сирота из литейни, без имени и родословной, вписана вторым номером Академии на Турнир Стихий — в город, где живут короли!

Или… не повезло?

Ведь на арене решают не скорость и не пламя. Решают долговые расписки, чужие подписи и придворные, которым я нужна ровно настолько, насколько удобна. А в стойлах под ареной восемь турнирных драконов молчат — хотя дракон, услышав приветствие, обязан ответить.

Я слышу их тишину. И, кажется, никто в этом городе не хочет, чтобы я поняла, откуда она.

Содержание

Глава 1. Десять голов и один свиток 4
Глава 2. Чиненые ремни 20
Глава 3. Ветряная Лестница 36
Глава 4. Казённые стойла 53
Глава 5. Три к одному 70
Глава 6. Присяга на чёрном песке 88
Глава 7. Полоса вех 106
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Академия Драконов «Фламенхолл». Часть 2. Турнир Стихий

Глава 1. Десять голов и один свиток

В нижнем лазарете Фламенхолла пахло дёгтем, серной мазью и сырой драконьей кожей, и Лирия давно перестала замечать этот запах на себе. Он въелся в рукава, в волосы, в подкладку куртки, и Нэя каждое утро честно сообщала ей об этом, как о погоде.

Лазарет вырубили в скале ещё при основании Академии — десяток широких ниш вдоль штольни, жаровни в нишах, низкий свод, с которого капало. Свет сюда попадал через две бойницы и был такой, что читать не получалось, а вот видеть, насколько плохи дела, — вполне.

Дел было плохо на десять голов.

Лирия сидела на корточках у старого серого самца и держала ладонь чуть выше его шеи, не касаясь. Касаться там было нельзя. Под левым гребнем чешуя шла ровным пятном цвета остывшей золы, и это пятно не блестело, не отливало,

не жило: мёртвая чешуя на месте, где месяцами держалась руна Корвуса. Руну Лирия сняла сама. Она помнила, как это было, и помнила, что после снятия ей обещали, что дракон поправится, и никто не уточнил, за сколько.

Прошло три недели. Пятно не уменьшилось ни на палец.

— Ну, — сказала она тихо. — Давай ещё раз.

И запела.

Голос Пламени всегда начинался у неё одинаково: с ощущения, будто в горле разжимают что-то тесное. Слова приходили сами, длинные, плавные, совсем не её — на человеческом языке она и половины бы так не сказала. Она пела серому, что утро, что тепло, что жаровню сегодня набили доверху, что никто больше не придёт в его нишу с раскалённым штырём. Пела вполсилы, коротко, не наваливаясь: полный Голос сжёг бы ей горло до вечера и оставил без речи часов на восемь, а обойти надо было ещё девятерых.

Серый слушал. Потом ответил.

Раньше, до Корвуса, у него наверняка был хороший голос: широкий, низкий, из тех, что слышно за лигу. Теперь ответная фраза шла рывками. Он вытягивал ноту, спотыкался, брал заново, снова спотыкался. Так заикается человек, которому позарез надо договорить, и от этого только хуже.

Лирия дослушала до конца. Она всегда дослушивала.

— Я поняла, — сказала она вслух, потому что горло уже саднило и петь второй раз подряд было глупо. — Я поняла. Спасибо.

Он сказал, что ему холодно с левой стороны. Что левой стороны как будто нет.

Он врёт, — сказал Зефир.

Зефир лежал в трёх шагах, вплотную к жаровне, вытянув шею так, чтобы морда была в самом тепле, а хвост при этом честно оставался в общем проходе, где на него все спотыкались. Серебристо-серая чешуя в этом свете отдавала не синим, а тускло-оловянным.

Не врёт, — ответила Лирия мысленно. *Он не может врать пением. Никто не может.*

Тогда он не всё говорит. Ему не холодно слева. Ему страшно, что слева.

Лирия не нашлась, что на это ответить.

Дежурный лекарь прошёл по штольне с дегтярной плошкой, и плошка чадила так, что первые полминуты после него хотелось выйти на мороз. Лирия перебрала банки в нише. Серной мази оставалось на два пальца по дну. Костной муки не было вовсе. Драконьей травы — той, что тут звали лихорадочником и покупали в Пирионе возами, — не было с позапрошлой недели. Вместо неё в углу стоял мешок сушёного клевера. Лекарь называл его заменой. Астрид называла его словами, которые Лирия при первокурсниках не повторяла.

— Завтрак! — крикнули от входа.

Завтрак привезли на нартах. Двое младших курсантов, красные, мокрые, гордые собой, дотащили тушу до середины штольни и остановились, потому что дальше нарты не шли.

Туша была мёрзлая. Не подмороженная — промёрзшая насквозь, звонкая, и топор от неё отскакивал с обиженным звуком. Жилованная обрезь, кости, немного шкуры. На десять взрослых драконов.

— Это треть, — сказала Лирия.

— Это норма, — сказал старший из курсантов и посмотрел в пол. — Со среды такая.

Лирия взяла топор. Рубить мёрзлое мясо она умела: в приюте зимой рубили всё, включая то, что мясом называть было щедро. Она отвалила первый кусок, второй, разложила по нишам, стараясь не считать, сколько выходит на каждого. Считать было незачем. Выходило мало.

Зефир получил свою долю последним и потому что он был здоровый, и потому что он был её. Он посмотрел на кусок. Понюхал. Поднял на неё золотой глаз.

Оно жёсткое.

Оно мёрзлое.

Оно жёсткое и мёрзлое. Я излагаю полностью.

Лирия фыркнула, и от этого горлу стало больно. Зефир взял кусок в зубы, поднялся, потянулся так, что чуть не своротил жаровню, и пошёл по проходу мимо неё. Она думала, он идёт к дальнему выходу, погреться уже на свету.

Он дошёл до ниши серого самца и положил мясо ему под морду.

Серый не сразу понял. Потом понял и попытался что-то спеть, и опять споткнулся на второй ноте.

Не надо, — сказал Зефир. Вслух он не сказал ничего: молодой дракон, который поёт старшему, ставит себя выше, а этого он не хотел. Просто вернулся к жаровне, лёг и с самым независимым видом принялся выковыривать когтем льдинку, набившуюся в перепонку крыла.

— Ты голодный будешь весь день, — сказала Лирия.

Я всегда голодный весь день. Разницы нет.

Разница была, и они оба это знали.

Лирия постояла в проходе, вытирая руки о штаны. Считать она всё-таки начала — не куски, а другое. Десять голов. Мази на два пальца. Травы нет. Пайки урезали втрое, потому что деньги на корм шли из коронного содержания Академии, а коронное содержание вот уже месяц не приходило. Прошение старшей наставницы лежало в Пирионе тридцать дней и, судя по всему, лежало там кому-то удобно.

До весны эти десять не дотянут. Не все.

Вот это — про «не все» — было хуже всего, потому что означало, что где-то есть список, и в этом списке кто-то будет первым.

Она вышла из штольни на воздух, и мороз взял её за лицо сразу, честно, без предисловий.

***

Двор Академии с утра было не узнать: ночью мело, к рассвету подморозило, и наледь легла волнами, серая и блестящая. Над ущельем стоял туман, из тумана торчали верхушки двух дальних башен, и всё это было бы красиво, если бы по

этому не надо было ходить.

Зефир вышел следом и немедленно поскользнулся всеми четырьмя лапами.

Кто это сделал, — сказал он с достоинством, восстанавливая равновесие.

— Зима.

Я запомню.

Он сел и стал по очереди осматривать когти. Об лёд он их сбивал регулярно, и каждый раз это было личное оскорбление. Лирия присела, взяла переднюю лапу — тяжёлую, тёплую, шершавую, — и осмотрела сама. Два когтя обломаны по краю, ничего страшного. Подпилить вечером.

Мимо протащили нарты с мешками опилок для подстилки. Курсанты первого курса, все трое в шарфах до глаз, кричали друг на друга, что верёвка не так.

— Лирия!

Нэя ехала к ней по наледи тем особенным способом, который сама называла ходьбой: маленькими шажками, растопырив руки. Ярко-зелёное пальто поверх формы, шарф до подбородка. Шарф был третьим предметом её гардероба, вытиравшим чернила, и знал об этом лучше всех.

— Не беги, — сказала Лирия.

— Я не бегу, я перемещаюсь с ускорением. Во-первых, доброе утро. Во-вторых, я была на голубятне.

— Зачем ты была на голубятне?

— Затем, что почта из столицы приходит на голубятню, а

не сама ко мне в комнату, хотя я подавала прошение. — Нэя добралась, схватилась за рукав Лирии и наконец затормозила. — Пришло два мешка. Два, Лирия. За три недели ни одного, а сегодня два, и один с коронной печатью, и его понесли прямо в Западную башню, мимо академической приёмной, что вообще-то нарушение порядка, я смотрела в уставе, там пункт девятый.

— Что в нём?

— В пункте девятом?

— В мешке.

— Откуда я знаю, что в мешке, я же не чудовище. — Нэя поправила очки, которые тут же съехали обратно. — Я просто рядом стояла и очень внимательно ничего не делала.

Лирия хмыкнула. Ей стало чуть легче, и это была вся польза от Нэи, огромная и незаменимая.

Кормовой склад стоял у восточной стены, наполовину врытый в скалу, с дверью, обитой железом. Внутри было темно, холодно и пахло зерном и мышами. Кладовщик, немолодой человек с вечной обидой на лице, слушал Лирию, глядя чуть вбок.

— Мешок костной муки, — повторила она. — Один. В лазарет.

— Треть мешка.

— Треть мешка — это на два дня для одного дракона. Их десять.

— А у меня приказ ректората. — Он развернул к ней бу-

магу, будто бумага что-то решала. — С понедельника выдача по трети нормы, и не я это придумал, барышня. Мне сказали — я выдаю.

За спиной скрипнула дверь. Вошла Элиза Даркфлейм, и склад немедленно стал теснее, хотя она никого не толкнула.

Форма на ней сидела так, будто её шили сегодня утром, а не перешивали в третий раз. Чёрные волосы уложены волосок к волоску — при таком-то ветре во дворе. Лирия иногда всерьёз думала, что Элиза встаёт в четыре.

— Норму для Пирра, — сказала Элиза кладовщику. — Будьте любезны.

— Треть, — сказал кладовщик, уже смелее.

— Разумеется, треть. — Элиза даже не поморщилась. Взяла мешок, поставила у ног и только тогда посмотрела на Лирию. — Знаешь, Эмбервуд, что удивительно? Академия жила триста лет, и её ни разу не сажали на треть нормы. А потом появилась ты, спасла всех и каждого, и вот мы едим по вторникам.

— Это не она, — сказала Нэя.

— Разумеется, не она. — Элиза улыбнулась коротко, одними губами. — Это лорд-канцлер. Просто у него появился повод, и повод у нас теперь ходит по двору в чужой куртке.

Лирия молчала. Врать она не умела, а сказать было нечего, потому что в этом было слишком много правды, чтобы просто отмахнуться. Пока Корвус ставил свои руны, Академия получала содержание вовремя. Как только про руны стало

известно, деньги кончились. Совпадение выглядело так себе.

— Десять драконов в лазарете живы, — сказала она наконец. — Считай это поводом.

— Я считаю. — Элиза подняла мешок. — Я умею считать, Эмбервуд, я тебе уже говорила.

Она вышла, и дверь хлопнула так, что с притолоки посыпалась изморозь.

Кладовщик отсыпал треть мешка. Лирия взвалила его на плечо, и мешок оказался как раз настолько тяжелее, чем она рассчитывала, чтобы это было заметно. На пороге, там, где наледь шла под уклон, он поехал.

Чужая рука подхватила снизу и выровняла.

— Держи левее, — сказал Каэл. — Тут скользко до самой стены.

Он не спрашивал, нужна ли помощь. Он никогда не спрашивал: просто оказывался рядом, и вещь переставала падать. Лирия перехватила мешок, и на секунду её пальцы легли поверх его руки, и они оба сделали вид, что этого не было.

Через двор шли старшекурсники. Каэл выпрямился, отступил на полшага и сделался безупречно вежливым и совершенно чужим — наследник дома Норрингтон, прямая спина, серо-синие глаза, ничего лишнего. Лирия знала этот его переход наизусть. С ней он говорил проще. При других — вот так, и по разнице между этими двумя голосами она читала о нём больше, чем он когда-либо сказал.

— Эмбервуд, — произнёс он.

— Норрингтон.

Старшекурсники прошли. Каэл посмотрел им вслед, потом на ворота Западной башни, потом сказал вполголоса, глядя куда-то в туман:

— Отец пишет из Пириона. Счета Академии заморожены. Не задержаны — заморожены, распоряжением лорда-канцлера, и в бумаге написано «до выяснения обстоятельств дела Шэдоухарта».

— Дело закончено. Корвус сбежал, но дело закончено.

— Дело закончено настолько, насколько это выгодно лорду-канцлеру. — Он помолчал. — Грейвинд не тратит бумагу зря. Если он заморозил счета, он ждёт, что кто-то из Академии приедет просить. И он уже знает, что скажет.

Лирия поудобнее перехватила мешок.

— Пусть ждёт. Мне до столицы три дня лёту, а мази у нас на два пальца.

— Лирия. — Он всё-таки посмотрел на неё прямо, и голос стал тише. Он всегда понижал, а не повышал. — В Пирионе тебя знают по имени. Это хуже, чем не знать вовсе.

— Спасибо. Очень утешил.

— Я не утешал. Я предупреждал. Это разные вещи.

Он ушёл — тихо для своего роста, — а Зефир проводил его взглядом и сообщил в мысли Лирии, что человек камня пахнет тревогой и мятой, и что мята — это, вероятно, зубной порошок, но тревога точно не порошок.

Не начинай.

Я излагаю наблюдения.

Нэя тем временем уронила записную книжку в снег, ахнула, выкопала, отряхнула, обнаружила, что чернила потекли, и объявила, что это, во-первых, катастрофа, а во-вторых, всё равно был черновик.

С Западной башни ударил колокол. Один удар — вызов.

***

Кабинет Астрид Драконхарт помещался под самыми стропилами Западной башни и был на редкость неудобным: низкий, тесный, просмолённые балки над головой, и стоять в полный рост можно было только посередине. Астрид туда переехала сама, из хорошего кабинета внизу, лет пятнадцать назад, и объяснений не давала.

Пахло смолой, старой бумагой и холодом — тем сухим, скрипучим холодом, который бывает только в комнатах с пергаментом.

Зефир устроился снаружи, на карнизе, сунув морду в открытое окно. Хвост его свисал куда-то вдоль стены на два этажа вниз, и первокурсники внизу, надо думать, уже сочиняли про это легенду.

— Наставница, — начала Лирия с порога. — Прошение. Тридцать дней прошло. Надо отправить второе, и не голубем, а с человеком, чтобы его положили на стол, а не в стопку. Я могу отвезти сама. Три дня лёту, Зефир дотянет, если налегке.

Астрид сидела за столом и постукивала по столешнице

костяшками правой руки. Костяшки были сбиты в кровь и уже подсохли. Лирия знала, обо что: два дня назад в лазарете умер один из десяти, самый молодой, и после этого Астрид вышла во двор и от души ударила по камню стены. Один раз. Потом вернулась и работала до ночи.

— Садись, — сказала Астрид.

— Я постою.

— Садись, Эмбервуд. У меня шея болит на тебя снизу вверх смотреть.

Лирия села.

Астрид развернула к ней свиток. Пергамент был плотный, дорогой, с двумя печатями: коронной алой и второй, поменьше, зелёного воска. Лирия читала небыстро — в приюте учили не этому, — и Астрид не торопила.

Коронный вызов. Турнир Стихий, столица Пирион, Арена Стихий на верхнем ярусе. От каждой школы и каждого дома, имеющего право, — два участника с драконами. Начало состязаний через четырнадцать дней.

От Академии Драконов Фламенхолл:

Первым номером — Элиза Даркфлейм.

Вторым номером — Лирия Эмбервуд.

Лирия перечитала вторую строку трижды.

— Я не подавала заявку.

— Я знаю.

— Первый курс не допускается к Турниру. Это в уставе, Нэя мне читала вслух два раза, потому что я не поверила с

первого.

— И это я знаю. — Астрид взяла пергамент за края и поднесла к бойнице, к свету. — Смотри сюда. Не на буквы. На пергамент.

Лирия наклонилась.

Под её именем пергамент был другой. Чуть светлее, чуть ворсистее, с крошечными неровностями — так выглядит место, где написанное выскоблили ножом и написали заново. Кто-то стёр то, что там стояло раньше, и вписал её.

И чернила у её имени были не такие, как у остальных строк. Темнее, с зеленоватой искрой, которая появлялась только на прямом свету.

— Гербовые, — сказала Астрид. — Такими чернилами в королевстве пишет одна-единственная контора — стол лорда-канцлера. Их варят на дворцовой кухне и считают поштучно. Подделать можно. Достать — нельзя.

— Значит, меня вписал кто-то из канцелярии.

— Значит, тебя вписал кто-то, у кого есть доступ к столу лорда-канцлера. — Астрид положила пергамент. — А кто именно и зачем — я не знаю. Скажу честно, потому что врать тебе я не стану: соврала бы один раз — и ты бы мне больше никогда не поверила. Я не знаю, кто это сделал. И я не знаю, чего он хочет.

Зефир в окне переступил когтями по карнизу. Со двора донёсся чей-то сдавленный вопль.

— Тогда я не поеду, — сказала Лирия.

— Вот. — Астрид хлопнула ладонью по столешнице. — Вот тут и начинается разговор.

Она встала, дошла до бойницы, постояла, глядя в туман над ущельем.

— Совет собирался вчера. Академия банкрот, Эмбервуд. Не «в трудном положении» — банкрот. Кормов до конца зимы нет, лекарств нет, жалованья преподавателям нет, а на прошения из столицы приходит молчание, и молчание это не по недосмотру. Тридцать дней — это не «забыли». Это ответ. — Она обернулась. — Знаешь, что даёт венок Турнира Стихий?

— Славу.

— Слава — это довесок. Победитель Турнира получает право слова у короля. Не прошение через канцелярию. Не аудиенцию через год. Он выходит и говорит королю в лицо, при дворе, при свидетелях, и король обязан выслушать и ответить. Так заведено двести лет, и это единственная дверь в этом королевстве, которую лорд-канцлер не может закрыть, потому что она не его.

Лирия сидела не шевелясь.

Десять голов внизу, в мокрой штольне. Мазь на два пальца. Клевер вместо лихорадочника. Серый самец, которому нет левой стороны.

— Я первый курс, — сказала она. — Я проиграю.

— Может быть. — Астрид пожала плечами. — Ты сняла руну, которую до тебя не снимал никто. Ты выжила в Слия-

нии в восемнадцать лет. Я не говорю, что ты выиграешь, я говорю, что ты единственная, кого туда впустили с улицы, и что дверь, которую тебе открыли, — единственная нужная нам дверь.

— Слишком удобно.

— Слишком удобно, — согласилась Астрид. — Поэтому слушай вторую часть, и слушай внимательно, я повторять не буду. Тебя вписали сюда чужой рукой. Значит, кто-то в Пирионе решил, что ты будешь в столице, за две недели до того, как ты сама об этом узнала. Он посадил тебя на доску. И он не спрашивал.

— То есть это ловушка.

— Это ловушка, — сказала Астрид. — Говорю без обиняков, чтобы потом ты не думала, будто тебя отправили вслепую. Тебя ждут. Тебя приготовили. И я всё равно тебя отправляю, потому что вторая дорога — сидеть здесь и до весны хоронить их по одному.

Она снова постучала костяшками по столу. Один раз. Оставила руку лежать.

— Выбор у тебя есть, Эмбервуд. Он просто плохой с обеих сторон.

Лирия посмотрела в окно. Зефир смотрел на неё оттуда золотым глазом, и она чувствовала его целиком, как всегда: холод карниза под брюхом, голод под рёбрами, злость, которая была не совсем его.

Ты уже решила, — сказал он.

Да.

Тогда чего сидишь.

Пугаюсь. Дай мне минуту.

Пугайся в полёте. В полёте быстрее.

— Я поеду, — сказала Лирия вслух.

— Хорошо. — Астрид кивнула, будто ничего другого и не ждала, и снова взялась за пергамент, чтобы свернуть. — Выходите завтра на рассвете, с Даркфлейм. Дорога три дня по Ветряной Лестнице, и лучше вам осмотреться в Пирионе загодя, чем влететь в город к первому свистку. Норрингтон едет от своего дома. Фаерстоун я отпущу, всё равно ведь сбежит, у неё на лице написано.

Она поднесла свиток к свету последний раз — проверить, не заломился ли край, — и остановилась.

Лирия увидела то же, что она.

На просвет, под именем «Лирия Эмбервуд», проступала тень старой строки. Нож снял верхний слой, но перо продавило пергамент насквозь, и в косом зимнем свете вдавленные буквы читались одна за другой, как будто их написали заново. Чужая рука вычеркнула чьё-то имя, чтобы вписать её.

И это имя Лирия знала.

Глава 2. Чиненые ремни

В шорной мастерской при кузне пахло дублёной кожей, воском и стружкой, и это был единственный запах во всём Фламенхолле, от которого Лирии становилось спокойнее. В лазарете пахло серной мазью. На складе пахло мёрзлым мясом. Здесь пахло работой, у которой есть понятный конец, и Лирия честно призналась себе, что рада была уйти от Астрид сюда, а не куда-нибудь ещё.

Старый шорник Бранн сидел у окна с деревянным зажимом между колен и прошивал чью-то подпругу двумя иглами сразу, навстречу друг другу. Он поднял на Лирию глаза, посмотрел на сбрую, которую она свалила на верстак, и вернулся к своему шву.

— Сыромять твоя померла, — сказал он, не глядя. — Жиру в ней осталось на четверть. Пряжку меняй всю, петлю подрежь, подпругу перешей. Инструмент вон.

— А новую сбрую?

— Новая стоит шесть серебром. Касса заморожена. — Бранн затянул стежок. — Так что новая у тебя вон в углу лежит, называется старая.

Лирия и не рассчитывала. Она разложила ремни во всю длину верстака и сразу увидела, где беда: за осень Зефир вырос, нагрудный ремень уже шёл впритык, а медная пряжка на левом плече лопнула по язычку и держалась честным сло-

вом и упрямством. Кожа под ней задубела и пошла мелкими трещинами, как старая корка на луже.

Сам Зефир протиснулся в дверной проём боком, сложил крылья и немедленно устроился так, чтобы правый бок доставал до тепла от горна за стеной. Мастерская сразу стала маленькой.

Тут хорошо, — сообщил он. — *Тепло и никто не орёт.*

Не разваливайся. Мне мерку снимать.

Я не разваливаюсь. Я грею бок. Это разное.

Мерку с него она снимала четверть часа вместо пяти минут. Зефир вертелся, косил золотым глазом на кучу обрезков сыромяти в углу и наконец дотянулся мордой и утащил один, длинный и мягкий, как ремешок.

— Отдай.

Он лишний.

— Он не лишний, он на нащёчник. Отдай, я сказала.

Зефир отдал, но перед этим успел зажевать конец. Лирия молча отобрала обслюнявленный кусок, вытерла о фартук и положила подальше. Драконов её лет учили в Академии два года, чтобы они не тащили в пасть всё, что плохо лежит. Зефир этот курс, судя по всему, прогулял.

Потом она села за работу и надолго забыла обо всём.

Сапожное шило входило в задубевший ремень тяжело, и приходилось налегать ладонью, а не пальцами. Отверстия она била по разметке, через палец, ровным рядом, и каждое прожимала пробойником начисто, чтобы шов потом не рвал

кожу. Деревянный молоток стучал глухо и приятно. Нитку она вощила, протягивая по бруску пчелиного воска, пока та не переставала лохматиться. Работа была нудная, зато честная: тут никто не смотрел на её фамилию, тут смотрели только на стежок.

За этим её и застала Элиза.

Дверь она открыла ровно настолько, чтобы войти, и вошла так, будто мастерская принадлежала ей и была слегка ниже её достоинства. Следом двое дежурных курсантов внесли парадную сбрую Пирра: широкий нагрудник с чеканкой, наборные ремни, начищенные до блеска бляхи с гербом дома Даркфлейм. Красный дракон Пирр в дверь не полез вовсе. Он лёг снаружи, у порога, загородив полкоридора, и недовольно заворчал, когда на него стали примерять нагрудник.

— Осторожнее с левым крылом, — сказала Элиза курсантам. — Он его бережёт с осени. Если он рыкнет, вы не виноваты, он предупреждает.

Она обошла верстак и посмотрела на разложенные ремни Лирии. Смотрела недолго. Ей хватило.

— Эмбервуд, ты собираешься лететь три дня вот на этом?

— Собираюсь.

— Тут заплата на подпруге.

— Будет две, — сказала Лирия, не поднимая головы. — Вторую как раз шью.

Элиза выдержала паузу, отточенную годами. Лирия знала эту паузу наизусть, к ней всегда прилагалось что-нибудь

вежливое и с зазубриной.

— Мы летим представлять Академию на Турнире Стихий, — сказала Элиза. — Через две недели мы выйдем на арену Пириона, где будут стоять дома, у которых сбруя меняется раз в сезон. Я не прошу тебя выглядеть как дом. Я прошу тебя не выглядеть как нищая.

— Я и есть нищая.

— Это, — сказала Элиза, — не то, что говорят вслух.

Она произнесла это ровно, безупречно вежливо, и в голосе у неё дрогнуло что-то, что дрожать не собиралось. Лирия подняла глаза и посмотрела на её форму: идеально сидящую, отглаженную, с безукоризненным воротом. И увидела то, что видела уже месяц и о чём молчала. Форма была перешита. Шов на плече лежал не там, где кладут в мастерской, а там, где кладут, когда ушивают старое по фигуре. Кто-то очень аккуратно и очень давно перекроил дорогую вещь, чтобы она сидела на другом человеке.

Лирии стало неловко, будто она заглянула в чужое письмо.

— Пряжку возьмёшь мою, — вдруг сказала Элиза, не глядя на неё. — У меня есть запасная, латунная, без герба. Медь на морозе лопается, у тебя уже лопнула. На второй станции будет обледенение, там твоя вторая лопнет тоже, и ты поедешь вниз в ущелье вместе с седлом. Мне неудобно будет объяснять наставнице, почему я прилетела одна.

— Спасибо.

— Не благодари, — отрезала Элиза. — Я иду первым но-

мером. Первый номер отвечает за то, чтобы второй долетел. Это устав, а не любезность.

Она положила пряжку на верстак, звонко, как ставят точку, и отвернулась к своей сбруе. Зефир проводил её взглядом.

Она врёт.

Знаю.

Она пахнет как ты, когда ты боишься за меня.

Лирия ничего не ответила, потому что тут отвечать было нечего.

Каэл пришёл позже, когда за окном уже начало сереть. Он всегда двигался тише, чем полагалось человеку его роста, и Лирия каждый раз обнаруживала его не по шагам, а по тому, что в комнате вдруг становилось на одного человека больше и дышать почему-то приходилось внимательнее.

— Проверка снаряжения отряда, — сказал он. — Астрид велела.

— Проверяй.

Он проверял по-настоящему: брал ремень, тянул его на излом, смотрел на просвет, щупал шов ногтем. У Элизы он проверил подпругу и застёжку нагрудника и сказал два слова одобрения. У Лирии он остановился надолго.

— Заклёпка на левом плече не сядет, — сказал он. — Тут кожа в три слоя, ты её шилом не додавишь.

— Додавлю.

— Ты руку сорвёшь.

— Уже срывала.

Он ничего не ответил на это, а вместо ответа снял перчатки, взял с полки пробойник, поставил ремень на свинцовую плиту и придержал заклёпку двумя пальцами.

— Бей.

Лирия ударила. Заклёпка села с одного раза, ровно, вгладь, потому что он держал её именно так, как надо, и ни разу не дёрнул руку. Они стояли близко. Она видела шрам через его левую бровь, и мелкую царапину на костяшке, и то, что рукав у него дорогой, а манжет обтрёпан изнутри, потому что он тоже работал руками, просто об этом не принято было знать.

— Ещё две, — сказал он.

— Угу.

Больше они не разговаривали, и это молчание было лучше всех разговоров, которые у них случались за зиму. Элиза в углу застёгивала бляхи с таким лицом, будто в мастерской вообще никого нет. Пирр за порогом вздыхал. Бранн у окна прошивал свою подпругу и не поднимал головы, но Лирия готова была поспорить, что старик всё видит.

К концу второго часа сбруя была собрана. Чиненая, с двумя заплатами на подпруге, с латунной пряжкой без герба на левом плече, вся в мелких свежих стежках, которые ещё пахли воском. Лирия провела по ней ладонью от нагрудника до хвостового ремня. Держало.

Зефир, вылезая на волю, задел мордой полку с восковой

пылью и оглушительно чихнул, обдав Лирию тёплым воздухом с ног до головы. После чего сделал вид, что ничего не произошло, и виновато сунул морду ей под локоть.

Это не я.

Конечно не ты.

Элиза ушла первой, как уходила всегда: не попрощавшись и очень прямо. Каэл задержался на два вдоха дольше нужного, будто хотел что-то сказать, и не сказал. Лирия услышала, как он спускается по лестнице, и только потом заметила на краю верстака банку.

Тюлений жир. Полная, свежая, с бумажной затычкой под крышкой. Такой мажут перепонки крыльев перед высокогорьем, чтобы за ночь на них не намёрзло стекло. Такой стоит денег, которых у неё не было и о которых она никому не говорила.

Лирия постояла над банкой. Потом взяла её обеими руками, как берут что-то живое, и понесла к себе.

Когда за окнами стемнело и по скрипторию понесли лампы, Лирия пришла к Нэе и обнаружила, что комнаты больше нет.

То есть комната, конечно, была, тёплая келья рядом со скрипторием, где всегда пахло чернилами и подгоревшим молоком. Но пола в ней не наблюдалось. Пол закрывали книги: стопками, стенками, башенками, россыпью. Между башенками лежали три раскрытых дорожных сундука, четыре тубуса, связка перьев, две чернильницы дорожного образца

с притёртыми пробками и одна обыкновенная, которая протекла.

Посреди всего этого сидела Нэя и держала на весу ручной безмен.

— Так, — сказала она вместо приветствия. — Во-первых, я счастлива. Во-вторых, я не влезаю. Порядок пунктов отражает мои приоритеты.

— Ты счастлива?

— Лирия. — Нэя сняла очки, посмотрела сквозь них на свет, надела обратно. — Меня отпустили в Пирион официальным летописцем поездки. Официальным. С бумагой. С печатью Академии. Это значит, что я не подружка, которая увязалась, а лицо при исполнении, и в описи меня запишут как лицо при исполнении, а не как «и с ними ещё одна».

— Тебя записали, потому что ты всё равно бы сбежала.

— Одно другому не мешает, — с достоинством сказала Нэя.

Взвешивание шло уже час и заметно портило ей настроение. Она клала стопку пергамента на крюк безмена, придирчиво смотрела на риску, снимала два листа, вешала обратно и смотрела опять. Лирия села на свободный угол сундука и стала разбирать своё: войлочные лётные чулки, шерстяные обмотки, тёплое бельё, запасные варежки на шнурке.

— Унция лишняя, — пожаловалась Нэя. — Всего унция.

— Их у тебя будет сорок таких унций.

— Не говори страшного.

Астрид вошла без стука, потому что стучать в двери учениц она считала лишним расходом времени. Оглядела пол. Хромая на левую ногу сильнее обычного, дошла до середины комнаты, встала над сундуками и вынесла приговор.

— Половину.

Нэя схватилась за сердце обеими руками.

— Наставница.

— Дракон с всадником в броне летит четыре часа, — сказала Астрид. — Потом посадка, хочешь ты того или нет. Три дня по Ветряной Лестнице, три станции, на второй обледенение. Каждая лишняя унция на сквозняке — это не унция, это то, чего у дракона не хватит на подъёме. Половину, Фаерстоун. Сама выберешь или я выберу?

— Сама, — быстро сказала Нэя.

Выбирала она мучительно. Астрид стояла над ней и выкидывала вслух:

— Это что?

— Свод придворного церемониала.

— Зачем?

— Чтобы никто из нас не опозорился при короле.

— Ты его выучишь за три дня в седле?

— Я его уже выучила, — с достоинством ответила Нэя. — Я его беру, чтобы проверять себя.

— Останется, — неожиданно сказала Астрид. — А вот это что?

— Это стихи.

— Это восемь унций стихов.

Стихи улетели в угол, к отвергнутым. Нэя проводила их взглядом человека, отдающего родное дитя в чужие руки. Потом полезла за очередной стопкой, потеряла равновесие, села мимо сундука прямо на собственный плащ, и под ней отчётливо хрустнуло.

Секунду все молчали.

— Это были дорожные, — сказала Нэя тонким голосом. — Средней силы. Которые для чтения на весу.

— Три пары очков, — сказала Астрид. — Две пары очков. Одна унция долой, Фаерстоун, ты делаешь успехи.

Лирия засмеялась в кулак. Нэя обиженно сопела и выковыривала из-под себя гнутую оправу. И тут Лирии стало хорошо и страшно сразу. Вот это всё, чернильные пятна, хруст очков, ворчание наставницы, послезавтра будет за триста лиг отсюда. А послепослезавтра, может быть, вообще не будет.

Астрид тем временем достала из-за пазухи кошель и положила на сундук. Кошель лёг тяжело и звякнул скупо, что было плохим сочетанием.

— Дорожная казна. Считайте.

Нэя сосчитала быстрее всех, потому что считала она всегда быстрее всех.

— Тут на три станции, — сказала она. — Ровно на три. На корм драконам, ночлег и переправу через нижний мост.

— Ровно, — подтвердила Астрид.

— А на еду нам?

— На кашу хватит. На мясо не рассчитывайте, мясо в Пирионе дороже, чем совесть. — Астрид потёрла разбитые костяшки правой руки о ладонь, привычно, как чешут старую мозоль. — Касса заморожена тридцатый день. Это всё, что я смогла достать, и достала я это не из кассы, так что не спрашивайте откуда.

Она посмотрела на Лирию, и Лирия поняла, что сейчас будет главное.

— Эмбервуд. Слово с тебя.

— Какое?

— В Пирионе до официального смотра ты не попадаешься на глаза ни одному чиновнику короны. Ни одному. Не заходишь в канцелярию, не разговариваешь с секретарями, не берёшь бумаг, не подписываешь бумаг. Пришли — сидите тихо, смотрите город, ждёте смотра. Тебя туда вписали чужой рукой, и я хочу, чтобы рука эта увидела тебя первый раз на арене, а не в приёмной, где тебе будет некуда деться.

Лирия подумала о свитке. О тени вычеркнутого имени, проступившей на свету. О том, что имя это она знает и до сих пор не сказала о нём вслух ни одному человеку, включая ту, что сейчас стояла над ней.

— Даю слово, — сказала она.

Астрид посмотрела на неё чуть дольше, чем требовалось.

— Хорошо, — сказала она и ушла.

Когда дверь закрылась, Нэя долго возилась с плащом, расправляя подкладку. Потом достала из-под стопки книг узкий

сложенный лист с сургучом и очень аккуратно, двумя пальцами, задвинула его в шов подкладки, туда, где ткань шла вдвое.

— Это что? — спросила Лирия.

— Письменный допуск. — Нэя разгладила шов ладонью и посмотрела на Лирию поверх очков, и в лице у неё не осталось ни капли прежней бестолковости. — В Белую Башню. Королевские архивы, пятый ярус. Пускают только по бумаге, выносить нельзя ничего, сидеть за столом можно только при служителе. Летописец Академии имеет право просить допуск. Подружка, которая увязалась, не имеет.

— Ты поэтому так рвалась в летописцы.

— Я поэтому месяц выпрашивала бумагу с печатью, — сказала Нэя. — Лирия, там лежат описи. Все. За триста лет. Если кто-то в столице подчистил ножом одно имя на одном свитке, то в описи это имя есть, потому что описи никто не чистит, их слишком много и они никому не интересны.

Лирия молчала.

— Я не спрашиваю, чьё имя ты там увидела, — тихо добавила Нэя. — Я вижу, что увидела. Захочешь, скажешь. А бумагу я всё равно зашью.

Ночь была короткой, и Лирия честно проспала из неё часа три.

К половине шестого утра Верхний скальный насест уже жил. Насест этот вырубили в самой макушке скалы, над обрывом, и в тихую погоду с него открывался весь мир до синей

полосы Перевала. Тихой погоды на нём не бывало никогда. Ветер шёл снизу, из ущелья, ледяной и плотный, будто река встала на дыбы, и по каменной площадке ползла наледь, а по наледи ползли дежурные курсанты с корзинами, разнося драконам жир для смазки перепонок.

Зефир стоял, растопырив крыло, и терпел, пока Лирия втирала тюлений жир в перепонку у самой кости. Перепонка была тёплая и тонкая, как хорошо выделанная кожа, и под пальцами шли жилки.

Щекотно.

Терпи.

Я и терплю. Я просто сообщаю, что щекотно, чтобы ты знала.

Рядом Элиза застёгивала Пирру нагрудник, и красный дракон недовольно рычал каждый раз, когда пряжка касалась холодного. Нэя стояла у стены с двумя сумками, замотанная по глаза, и на лице у неё было написано, что она вспомнила про высоту. Каэл проверял свои узлы молча и тщательно.

Тарис появился так, как появлялся всегда: только что не было и вот уже стоит. В перчатках, в дорожном, с обмотанным шарфом горлом, из-под которого всё равно выглядывал край старого ожога. Он молча обошёл всех по кругу и молча взялся за седло Лирии.

Он ощупал каждый узел. Потянул подпругу на себя всем весом. Нашёл латунную пряжку, задержал на ней пальцы, ни-

чего не сказал. Проверил заклёпки на левом плече. Дёрнул хвостовой ремень.

— Кто клепал?

— Я, — сказала Лирия. — Норрингтон держал.

— Держал хорошо. — Тарис отпустил ремень. — Слушай сюда, девочка, повторять не буду. На второй станции обледенение. Крыло смазывать на ночь и утром, не только утром. Спать в чулках. Воду держать за пазухой, иначе замёрзнет. Если дракон говорит, что устал, он не жалуется, он предупреждает, и садиться надо сразу, а не через четверть часа.

— Поняла.

— Теперь главное.

Он подошёл ближе, и Лирии пришлось задрать голову. Ветер выл под краем площадки.

— Голос. Ты его в столице не применяешь.

— Совсем?

— Совсем. — Тарис говорил ровно, и от этой ровности было хуже, чем от крика. — Ты думаешь, у тебя оружие. Оружие можно убрать в ножны. Голос Пламени убрать нельзя. Его слышат все драконы в округе на две лиги, и чужие тоже. Две лиги, девочка. Пирион вдоль стены — полторы. Споёшь в самом низу города, в ремесленных печах, — услышат во дворце, на верхней террасе. Не заподозрят. Услышат.

Лирия сглотнула, и глотать было нечего. За эту зиму она думала о своём даре по-разному: подарок, беда, работа. Костром, который носишь с собой и ничем не прикроешь, он

ей ни разу не показался.

— Это маяк, — сказала она.

— Это маяк, — согласился Тарис. — Он горит над тем местом, где ты стоишь, и гаснет, когда ты замолчишь, а не когда ты захочешь. Помни это, когда решишь кого-нибудь спасти.

Он прав, — сказал Зефир, и в его голосе не было ни капли обычной дерзости. — *Я тебя слышал из лазарета через всю скалу. Я думал, ты знаешь.*

Не знала.

Теперь знаешь.

Тарис кивнул, будто на этом дело кончилось, и пошёл к своему седлу.

И вот тут Лирия увидела вьючный мешок.

Она видела за зиму, как Тарис собирается. Он собирался как человек, который тридцать раз мёрз в горах: сухари, жир, запасные ремни, смена шерстяного, свёрнутый войлок, соль. Мешок всегда получался тугой и тяжёлый, с двумя перехватами.

Сейчас мешок был вполовину. Перехват один. Войлока нет вовсе.

Лирия смотрела на этот мешок, и пальцы у неё сами собой сжали ремень так, что латунь врезалась в ладонь. Полмешка. Один перехват. Столько берут, когда собираются вернуться рано.

— У вас сбор на два дня, — сказала она.

Тарис затянул ремень своего седла. Затянул спокойно, до конца, проверил пальцем.

— На два, — сказал он.

— Мы летим три.

— Вы летите три. — Он затянул второй ремень. — Я схожу на второй станции и возвращаюсь назад.

На площадке стало очень тихо, насколько может быть тихо там, где воет ветер. Элиза перестала застёгивать. Нэя перестала топтаться. Каэл медленно повернул голову.

— Наставница знает? — спросила Лирия.

— Знает.

— А мы?

— Теперь знаете.

— Почему?

Тарис поднял на неё глаза. Так смотрит человек, у которого дело уже решено и обсуждению не подлежит, и которому от этого нехорошо. Он не ответил. Он протянул руку и показал вниз, за край насеста, туда, где лежало ущелье и медленно, слоями, ворочалась синеватая тьма, ещё не тронутая рассветом.

— Дальше вы летите сами, — сказал он.

Глава 3. Ветряная Лестница

К полудню Лирия поняла, почему перелёт назвали лестницей. Ущелье шло вверх ступенями: скальная полка, обрыв, снова полка, и на каждой ступени воздух вёл себя по-своему. На нижних он был плотный и тяжёлый, держал крыло, как вода держит ладонь. Здесь, на высоте двух тысяч локтей, он стал тонким и злым, и Зефиру приходилось грести чаще, чтобы оставаться на месте.

Внизу лежала синева — густая, слоистая, без дна. Лирия один раз заглянула туда через колено и второй раз не стала.

Строй шёл клином. Впереди тяжело и ровно, как гружёная баржа, тянул Пирр Элизы; за ним справа держался Каэл на своём буром Гранате, слева — Нэя на смирной академической самке по кличке Рябина, которую в Фламенхолле давали всем, кто боится летать. Тарис шёл замыкающим и выше всех, откуда видно каждого. Зефир должен был идти вторым слева и не отставать.

Зефир отставал.

Он не быстрее меня, — сказал он в голове у Лирии, и слышно было, как он злится. — *Он просто тяжелее. Тяжёлое падает медленнее. Это не заслуга.*

Он идёт первым, потому что Тарис так поставил.

Тарис поставил неправильно.

Лирия улыбнулась в шарф. Спорить с Зефиром на высоте

было делом безнадёжным: тщеславие у него работало ровнее крыльев.

А потом ущелье сделало поворот, и в них ударил сквозняк.

Он пришёл сбоку, из распадка, и шёл поперёк дороги сплошной ледяной рекой. Пирра снесло на полкорпуса, и он выправился. Рябину качнуло, и Нэя завизжала так, что её услышали все, даже без пения. Зефира развернуло почти боком.

Лирия вцепилась в луку. Ремни держали, латунная пряжка Элизы врезалась в бедро, и это было хорошо, это значило, что снаряжение работает. Плохо стало через несколько взмахов.

Плечи.

Сначала будто в плечи загнали по мёрзлой спице, потом спицы стали жечь, и Лирия узнала это ощущение раньше, чем поняла его. Так у неё болело, когда болело у Зефира. Резонанс не спрашивал разрешения: он просто отдавал ей чужую боль как свою.

Она поймала его зрением. Похоже на то, как окунаешь лицо в талую воду, — и вот она уже смотрит на мир сверху и вбок, с рези в глазах от встречного ветра, и видит на просвет собственное крыло.

Перепонка серебрилась.

По тонкой коже между костями насыпало мелкой крупки, будто инея на стекло. Крупка нарастала. Каждый взмах да-

вался тяжелее предыдущего, потому что крыло теряло гибкость, и в суставе, там, где кожа крепится к локтю, ломило.

Не смотри, — сказал Зефир. — *Я справлюсь.*

Ты теряешь высоту.

Я её потом наберу.

Он терял её быстро. Клин ушёл вперёд и вверх, Пирр таранил сквозняк своей тяжестью, а Зефир, вёрткий и лёгкий, оказался в этом ветре щепкой. Лирия видела, как Тарис наверху развернулся и пошёл вниз к ним, и ей стало стыдно так, как бывает стыдно только на людях.

Не отстать. Она твердила себе это одно от самого Фламенхолла, всю дорогу до перевала, — и вот отстала на второй день.

— Ну хорошо, — сказала Лирия вслух, в шарф, потому что вслух ей думалось лучше. — Хорошо. Не мешай ветру. Ищи, где он вверх.

В горах Лирия не выросла. Она выросла при кузнице, и всё, что она знала про воздух, знала оттуда: горячий идёт вверх, холодный ложится вниз, и если открыть заслонку не с той стороны, дым пойдёт тебе в лицо. Кузнечная правда была маленькая, но своя.

Она подняла голову и стала смотреть на скалу.

Восточная стена ущелья с утра стояла под солнцем. Камень там был рыжеватый, сухой, без наледи, и над одним выступом — широким, покатым, похожим на лоб, — воздух заметно дрожал. Так дрожит над раскалённой наковальней.

Лирия смотрела на эту дрожь, и сердце у неё колотилось, и она не могла понять, от страха или от радости.

Зефир. Правее. К стене.

К стене — это в стену.

К стене и вдоль. Над рыжим лбом. Там тепло, и оно идёт вверх.

Дракон молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы обдумать и не показать, что обдумывал.

Если я разобьюсь, я тебе этого не прощу.

Мы разобьёмся вместе, дурак.

Тем более.

Он завалился на правое крыло и пошёл к стене.

Камень надвинулся страшно быстро. Лирия успела разглядеть на нём всё: жёлтые лишайники, трещину с торчащим кустиком, тёмный потёк от воды. Зефир прошёл над рыжим выступом так низко, что она почувствовала лицом сухое тепло, идущее от нагретого камня, — и в тот же миг их подбросило.

Не подкинуло рывком, а именно подняло: тёплая струя подхватила его целиком и понесла вверх ровно и мощно, как чужая ладонь. Лирию вдавило в седло. В ушах щёлкнуло. Наледь на перепонке начала таять, по краю крыла побежали капли, и боль в плечах отпустила так резко, что у Лирии выступили слёзы.

Зефир заорал.

Он орал по-драконьи, во всю глотку, длинно и торжеству-

ющe, и это было слышно, наверное, на обе станции разом.

Я нашёл! — сказал он. — *Ты видела? Я нашёл!*

Это я нашла.

Ты сказала. Нашёл я.

Он выкрутил вверх по спирали, набрал разом всё, что потерял, и ещё столько же, и вышел из потока выше строя. Оттуда он спокойно, красиво, с ленцой сложил крылья и обошёл Пирра по короткой дуге сверху.

И, проходя над его хвостом, пустил вниз короткое колечко пара.

— Эмбервуд! — Голос Элизы догнал их вместе с ветром. — Твой ящер только что плюнул на моего дракона!

— Это не плевок, — крикнула Лирия. — Это пар!

— Это наглость!

Это была наглость, — согласился Зефир довольно.

С Тарисом они поравнялись через минуту. Он ничего не сказал. Он посмотрел на оттаявшее крыло, потом на Лирию, потом на рыжий выступ внизу — и коротко кивнул, один раз, и ушёл выше.

Лирия потом весь остаток пути думала, что этот кивок был лучше любых слов, и злилась на себя за то, что ей это так важно.

До Первой станции шли ещё три часа. Дракон под всадником в броне держит четыре, и к концу четвёртого Рябина тянула уже совсем низко над карнизом.

Станция оказалась не крепостью и не башней, а просто

широкой каменной полкой с вырубленными в скале нишами, деревянной пристройкой и коновязью для драконов, которую никто, конечно, не использовал по назначению. На полке пахло дымом, мокрой овчиной и варевом.

Смотритель вышел встречать в тулупе до пят, с сигнальным рогом на боку. Был он круглый, красный и очень довольный тем, что кто-то прилетел.

— Пятеро! — сказал он вместо приветствия. — Пятеро и пять голов. Я зимой по двое принимаю, а тут пятеро. Кормовая яма левая, правая с прошлой недели засыпана, туда не пускайте, там осыпь.

Нэя сползла с Рябины на четвереньки и так, на четвереньках, отползла от края на три шага.

— Я больше никогда, — объявила она в камень. — Слышите? Никогда в жизни я не оторвусь от пола библиотеки. Пол библиотеки — прекрасное место. Он ровный. Он не двигается. Под ним нет двух тысяч локтей.

— Тысячи девятисот, — сказал Каэл, снимая перчатки.

— Норрингтон, я тебя укушу.

Смотритель уже вёл драконов к левой яме и говорил без остановки — было видно, что за зиму он выговорился только сам с собой.

— Мясо мёрзлое, но доброе, як прошлой недели. Вон, внизу гонят, видите? — Он махнул рукой куда-то за край, и Лирия, подойдя, увидела далеко под собой обледенелый карниз и на нём цепочку чёрных мохнатых точек, ползущих

гуськом. Ей стало нехорошо от того, насколько они маленькие. — А наверху вы, значит, из Академии. На Турнир?

— На Турнир, — сказала Элиза таким тоном, каким объявляют титул.

— Ну-ну. — Смотритель поворошил в яме. — Вы там, в столице, глядите. И на север глядите тоже.

— А что на севере? — спросила Нэя, немедленно забыв про пол библиотеки.

— А на севере тени. — Он сказал это буднично, как про осыпь. — Белые. Шестого дня Гарм со Второй сигналил: над северными хребтами белые ходят, крылатые, штук десять, и светятся. И не драконы, потому как драконы так не ходят, драконы идут прямо, а эти вьются. Он вечером сигналил, а к утру они ушли.

Лирия оглянулась на Тариса.

Он стоял у своего дракона, спиной, и разбирал упряжь. Спина у него была совершенно спокойная. Именно по этой спокойной спине Лирия и поняла, что он услышал каждое слово.

— Мало ли что светится в горах, — сказал смотритель и с грохотом опрокинул в яму ведро мяса. — Ешь, серебряный, не смотри на меня так.

Ночь на Первой станции прошла скучно, и это было лучшее, что можно сказать про ночь в горах.

Вторая станция висела над обрывом на голом карнизе, и

туман пришёл вместе с темнотой. К одиннадцати он загустел так, что от жаровни до края полки не было видно ничего, кроме серого. Часовые ходили парами и меняли факелы, потому что факелы промерзали и гасли, и каждый раз при смене в тумане возникало рыжее пятно, плыло и пропадало.

Лирия сидела на корточках возле Зефира и растирала ему локтевой сустав.

Работа была простая и долгая. Ветошь макалась в тёплый тюлений жир, жир втирался в кожу против шерсти складок, потом сустав нужно было медленно сгибать и разгибать, пока не перестанет хрустеть. Хрустело. Зефир лежал, положив голову на камень, и на каждое сгибание шумно выдыхал через ноздри, обдавая Лирию жирным горячим паром.

Сильнее.

— Тебе будет больно.

Мне уже больно. Сильнее.

Она нажала сильнее. Под ладонью прошёл длинный вздох во всё драконье тело.

Локоть под ладонью был твёрдый и горячий, как ремень, который передержали у горна. Она вела ветошью вдоль складок и считала про себя до тридцати на каждое сгибание: со счётом Зефир терпел дольше.

Банка была та самая, оставленная Каэлом, с плотной жестяной крышкой, и Лирия каждый раз, открывая её, вспоминала, сколько такая стоит, и каждый раз запрещала себе об этом думать.

У жаровни делили ужин. Копчёное мясо резали ножом на весу, мёрзлые сухари стучали о чугун, как камешки. Элиза заявила, что сухарь надо сначала подержать над углями, Нэя — что его надо просто размочить в кипятке. Спорили всерьёз, минут десять, пока Каэл молча не сделал по-своему: положил сухарь на край жаровни и накрыл кружкой.

Нэя в конце концов уснула сидя, привалившись к тюкам, обняв дорожный кожаный тубус с летописью и уткнувшись в него лицом. Ей завтра предстояло рассказывать, что она вела записи всю дорогу.

А Тарис седлал дракона.

Он делал это тихо, у самой границы света, и Лирия поняла, что он уходит сейчас, а не утром, и что он специально ждал, пока Нэя заснёт, чтобы не прощаться со всеми по очереди.

Она бросила ветошь и пошла к нему.

— Ночью? В туман?

— Туман внизу. — Тарис затянул подпругу. — Наверху чисто.

— Тридцать два дня, — сказала Лирия.

Он остановился.

— Что?

— Прошение наставницы лежит в канцелярии тридцать два дня. Без ответа. Тридцать в Академии и два, пока мы летим. Я считала. — Лирия набрала воздуха. — Вы возвращаетесь из-за него?

Тарис проверил пальцем ремень — не глядя, на ощупь, до конца.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Это не ответ.

— Это весь ответ, девочка.

— Наставник. — Она встала так, чтобы ему пришлось на неё посмотреть. — Если там что-то плохое, я хочу знать. Я лучше знаю, чем не знаю. Я всю жизнь лучше знаю.

Он посмотрел. У него было такое лицо, будто он взвешивает: сказать половину или не говорить ничего. Лирия видела это лицо не первый раз и знала уже, чем такое взвешивание кончается.

— На север глядеть будешь? — спросил он вдруг.

— Что?

— Смотритель вчера про белых говорил. Ты оглянулась на меня.

— Оглянулась.

— Правильно оглянулась. — Тарис накинул повод. — Забудь пока. Не твоё в этом году.

— А чьё?

— Курсант Эмбервуд. — Голос у него стал ровный, тот самый, от которого хуже, чем от крика. — На третьем ярусе, у большой лестницы, стоит трактир Медный Гвоздь. Хозяина зовут Дорн. Если станет совсем скверно и никого не останется, придёшь туда и скажешь, что от меня. Это всё, что я тебе даю. Больше не спрашивай.

Он поднялся в седло. Дракон под ним переступил, разворачиваясь к обрыву.

— Голос?

— Не применяю, — сказала Лирия.

— Умница.

И он ушёл в туман, вниз и влево, и звук крыльев пропал раньше, чем пропало пятно.

Лирия стояла и смотрела в серое.

Странно было не то, что он уехал. Странно было, как быстро после этого стало холодно — будто с ним со станции унесли одну из жаровен.

— Держи.

Каэл подошёл сбоку. Он подходил тихо, и Лирия всякий раз вздрагивала, и всякий раз злилась на себя за это. В руках у него была кружка, от которой шёл пар.

Она взяла. Настой оказался обжигающий, горький, с чем-то смолистым.

— Что это?

— Хвойный. Тут все так пьют. — Он сел на каменный парапет, который шёл вдоль края полки, и, помолчав, добавил: — Гадость.

— Гадость, — согласилась Лирия и села рядом.

Между ними осталось расстояние в ладонь. Ни он, ни она его не убрали, и ни один не сделал вида, что не заметил.

Внизу под ногами лежал туман. Где-то далеко в нём вздыхало ущелье.

— Он тебе сказал что-нибудь? — спросил Каэл.

— Трактир на третьем ярусе. Медный Гвоздь. — Лирия обхватила кружку обеими ладонями. — Это же значит, что он думает, что нам понадобится трактир.

— Это значит, что он думает, как человек, у которого один раз уже всё пошло плохо.

Она посмотрела на него сбоку. В свете жаровни шрам через бровь у Каэла казался темнее, чем днём.

— Скажи мне честно, — сказала Лирия. — Там очень плохо будет?

И вот тут он заговорил иначе.

Днём у Каэла Норрингтона был голос столичный: ровный, отглаженный, с той вежливостью, которая ничего не значит и всё расставляет по местам. Лирия за зиму привыкла к этому голосу и научилась его не любить. Сейчас он говорил проще — тише, немного быстрее, глотая окончания, как говорят люди, которые устали держать спину.

— Ты думаешь, Пирион держится на короне, — сказал он. — На гвардии, на гербах, на слове короля. Он держится на бумагах. Долговых расписках. Каждый дом на верхних ярусах кому-то должен, и почти все должны канцелярии. Проценты платят раз в квартал, и в тот день на террасах очень вежливые лица.

— Ваш дом тоже?

— Мой дом тоже. — Он сказал это спокойно, глядя в туман. — Триста лет, шесть башен на гербе, и подпись моего

отца лежит у лорда-канцлера в столе. Я знаю, в каком именно столе. Мне показывали, когда мне было четырнадцать, чтобы я понимал, как устроена жизнь.

Лирия молчала. Она чувствовала: скажи она сейчас хоть слово — он остановится и не начнёт снова.

— Поэтому слушай. — Каэл повернулся к ней. — Там тебе будут улыбаться. Много. Тебе будут говорить, что ты надежда Игниса и что твой дар — чудо. Не верь ни одному, кто улыбается первым. И канцлеру не верь особенно. Он не злодей из баллады, он человек, который считает. Если ты когда-нибудь окажешься в его счёте выгодной — он тебя купит, и ты даже не заметишь, что тебя купили, потому что это будет выглядеть как помощь.

— А герб? Если герб старый и красивый?

— Чем красивее герб, тем крупнее долг. — Он усмехнулся, коротко и невесело. — Это правило, Эмбервуд. Оно почти без исключений.

Лирия отпила горькой гадости.

— Ты меня пугаешь.

— Да. — Каэл не стал спорить. — Я тебя пугаю, потому что ты не боишься там, где надо, и лезешь на людей, которые тебя старше на тридцать лет и хитрее на триста. Тарис уехал. Я не Тарис. Но я знаю этот город, а ты нет, и это единственное, чем я могу быть полезен.

Он замолчал. Ветер потянул туман, и на секунду в разрыве стало видно чёрное небо и в нём две-три звезды, мелкие и

очень далёкие.

— Ты сейчас говоришь по-другому, — сказала Лирия.

— Знаю.

— Как настоящий.

Каэл долго смотрел в кружку.

— Дома так говорить нельзя, — сказал он наконец. — Дома положено говорить так, чтобы фразу можно было повторить при третьем лице и ничего не потерять. Я так говорю с шести лет. — Он поставил кружку на парапет. — Иногда устаёшь.

У Лирии в груди сделалось тесно и тепло, и она не знала, что с этим делать, поэтому сделала то, что делала всегда: пошутила.

— Тогда уставай почаще. Так ты мне нравишься.

Он посмотрел на неё и улыбнулся — не столичной улыбкой, а криво, одной стороной, и от этого у Лирии внутри всё окончательно перепуталось.

Он пахнет иначе, когда говорит с тобой так, — сообщил Зефир от жаровни, и в его голосе была отчётливая ревность. *— Я, между прочим, не сплю. Мне холодно. Мне надо второе крыло.*

Иду, — сказала Лирия и не пошла ещё целую минуту.

На четвёртый день, к закату, они вошли в облака.

Долина под ними закрылась серой пеленой — пар поднимался из низин и висел пластами, слой на слое. Пахло здесь

уже не горами. Пахло дымом, и в дыме — чем-то кислым, железным.

Драконы занервничали все разом. Пирр начал коротко порыкивать, Рябина трижды сбилась с ритма, Гранат Каэла упрямо забирал вверх, и Каэлу приходилось его осаживать.

— Третий ярус! — крикнула Элиза, оборачиваясь. — Выше не подниматься! Кто выше — снимут сетями, а сети у них с грузилами!

— Кто это придумал? — крикнула в ответ Нэя.

— Гвардия! Не спорь с гвардией с воздуха!

Зефир шёл сквозь пар, и Лирия чувствовала спиной, как ему это не нравится: мышцы под седлом ходили мелко и часто.

Дым не тот, — сказал он. — *Дым из кузни другой. Этот старый.*

Как дым может быть старым?

Он тут всегда.

И тогда облака разошлись.

Они не расступились красиво, как в балладах. Просто пелена кончилась рваным краем, и из-под этого края встал город.

Он был чёрный.

Семь ярусов чёрного базальта, вырубленных в склоне древнего лавового потока, шли вниз широкими ступенями, и каждая ступень была застроена так тесно, что домов было не разобрать — сплошная корка крыш, труб и стен. Над ниж-

ними ярусами стоял пар. Он выходил из щелей, из длинных решётчатых отдушин, из круглых устьев печей, и в закатном свете отдавал рыжим.

Между ярусами тянулись канаты подъёмников, десятки канатов, крест-накрест, и по ним ползли короба на противовесах. Всё это скрипело. Скрип шёл снизу ровным звуком, который не прерывался ни на секунду, и Лирия поняла: здесь он не прекращается никогда.

На самом верху, на седьмом ярусе, лежала полоса красного камня, и закат сидел на ней так, будто её нарочно для него положили.

Снега на террасах не было нигде. В горах он лежал по колено, а тут камень был голый и тёплый: под ярусами ходил подземный жар, и Пирион грелся об него, как кошка об печку.

— Ох, — сказала Нэя тоненько. — Ох, тут же людей... сколько тут людей?

Никто ей не ответил.

Лирия смотрела вниз и пыталась найти в себе то, что полагалось найти. Столица. Место, ради которого она чинила сбрую, мёрзла, считала дни. Тринадцать дней — нет, уже двенадцать — до Турнира Стихий, и вот он, город, где её слово наконец начнёт хоть что-то весить.

Она честно ждала восторга.

А потом Зефир вздрогнул.

Он вздрогнул всем телом, разом, так, что Лирию мотнуло

в седле, и через связь в неё вошло его ощущение — не слова, не мысль, а сразу целиком, как всегда входила его боль.

Внизу была пасть.

Чужая, каменная, тёплая изнутри и душная, и она дышала снизу вверх — медленно, в такт скрипу, — и в её дыхании было калёное железо. И ещё кое-что, чему у Лирии не нашлось имени, а у дракона нашлось: старый страх. Не её страх и не Зефиров. Чужой, давний, впитавшийся в камень, как копоть впитывается в стену кузницы, — страх, который стоял здесь так долго, что перестал быть событием и стал запахом.

Лирия, — сказал Зефир очень тихо. — *Тут внизу боялись. Долго. Много. Я не хочу туда садиться.*

Она хотела ответить, что всё в порядке, что это просто город, что драконы всегда нервничают над людским жильём.

Но у неё под рёбрами уже сидело то же самое, и врать через резонанс она не умела.

Впереди на третьем ярусе вспыхнули два зелёных огня посадочного створа, и голос с яруса, усиленный рогом, велел им заходить по одному.

Глава 4. Казённые стойла

Подворье Академии оказалось меньше, чем Лирия его себе представляла, и намного шумнее.

Она ждала чего-то вроде маленького Фламенхолла: двор, ворота, герб над входом. Двор был, ворота были, герб тоже — вырезанный в базальте, стёртый до того, что дракон на нём походил на большую ящерицу. А дальше начиналась теснота. Две спальни на восьмерых, общий очаг посередине большой комнаты, кровля, чиненная столько раз, что заплаты налезали одна на другую, как чешуя, и насест во дворе на четыре дракона, из которых один угол занимали чужие бочки.

И над всем этим, за стеной, скрипели подъёмники. Ровно, без пауз, будто кто-то очень терпеливый пилил базальт тупой пилой. Этот звук, похоже, теперь будет сниться ей до самого Турнира.

— Тюки к стене, сёдла на козлы, ничего не бросать на пол! — командовала Астрид от дверей, и голос у неё был такой, что даже подъёмники, казалось, скрипнули потише. — Фаерстоун, свитки не на очаг, а к очагу. Разница есть.

— Я знаю разницу, — отозвалась Нэя, уже разложившая перед жаровней три чернильницы, две тетради и что-то бумажное, промокшее в полёте до полной прозрачности. — Я про эту разницу целую опись писала. Она погибла в бою, вот

она.

Лирия таскала тюки и была этому рада. Работа — единственное, что после четырёх дней в седле у неё выходило само собой. Спину ломило, ладони под перчатками горели, но тюк можно взять, донести, поставить, и на это время не надо думать о том, что дышало под подошвами тёплым базальтом.

Зефир стоял во дворе у поилки и пил долго, с перерывами, поднимая морду и жмурясь. Через связь от него шло усталое, тяжёлое, вязкое.

Вода тёплая, — пожаловался он. — *Она из-под земли. Она пахнет монетами.*

Пей и не привередничай.

Я не привередничаю. Я сообщаю.

Он опустил морду обратно, и хвост его при этом медленно, как бы сам по себе, пополз вбок — туда, где у стены стояла плетёная корзина с сушёной свёклой.

Возле корзины стоял столичный пристав.

Пристав был невысокий и круглый, в суконном фартуке, засаленном до блеска, и с латунным мерным ковшом на поясе, который он трогал всякий раз, когда собирался сказать что-нибудь неприятное. Трогал он его часто.

— Расписки Фламенхолла, — говорил он, разглядывая бумагу Астрид на вытянутой руке, будто она была влажная. — Расписки, да. Бумага хорошая.

— Бумага казённая, — сказала Астрид.

— Бумага хорошая, — повторил пристав с удовольствием.

— А сбор городской, наставница. Сбор берётся серебром. Так заведено при канцелярии, и не мной заведено, я человек маленький.

— За постой в собственном подворье?

— За место дракона в черте города. Дракон дышит городским воздухом, дракон ест городское зерно, дракон занимает город собой. — Он тронул ковш. — Восемь драконов у вас?

— Четыре.

— Четыре по городской мерке — это как восемь по деревенской.

Лирия поставила тюк и выпрямилась. Она видела Астрид всякой: злой, усталой, орущей на плацу так, что первокурсники приседали. Такой — не видела. Наставница стояла очень прямо, и рука у неё, та самая, с разбитыми о камень костяшками, лежала на поясном кошеле спокойно и неподвижно.

Кошель был плоский.

Вот тогда Лирии и стало по-настоящему нехорошо. У них кончались деньги — вот и всё, что тут происходило. Академия, шесть башен, триста лет истории, наставница-ветеран пограничья — и плоский кошель перед человеком с латунным ковшом.

— Половину мерки, — сказала Астрид.

— Мерка целиком или ничего, я разменом не занимаюсь.

— Половину мерки, — повторила Астрид и высыпала на его ладонь дорожные медяки. Все. Лирия слышала, как по-

следний прокатился по краю и лёг.

Пристав пересчитал их дважды, губами. И в этот самый момент корзина со свёклой поехала.

Она поехала мягко и осмысленно, по камню, шурша, и Зефир при этом смотрел строго в другую сторону, на кровлю, с видом дракона, глубоко озабоченного состоянием чужой черепицы.

— Э! — сказал пристав.

— Зефир, — сказала Лирия.

Она стояла без присмотра.

Она стояла в трёх шагах от хозяина.

Он маленький. У него плохой присмотр.

Корзина остановилась. Свёкла из неё всё-таки высыпалась — штук пять, тёмных, ссохшихся, — и Зефир, не переставая изучать кровлю, наступил на одну лапой и тихонько подтянул к себе.

Пристав побагровел, набрал воздуха и вдруг махнул рукой.

— Дракон молодой, — сказал он неожиданно человеческим голосом. — Ладно. У меня свой был, в третьем крыле, тоже воровал. Свёкла прошлогодняя, всё равно на выброс.

И ушёл, звякая ковшом, и Лирия ещё долго думала, что вот такой человек и есть Пирион: сначала обдерёт до последнего медяка по всем правилам, а потом подарит горсть гнилой свёклы, потому что у него когда-то был свой дракон.

Нэя тем временем воевала за сухой тюфяк.

— Он мой, — говорила она Элизе, держась за угол тюфяка обеими руками. — Я его первая увидела.

— Ты его увидела вторая. — Элиза тюфяк не тянула; она просто стояла рядом с ним, как стоят возле собственности. — Первой его увидела я, когда мы вошли. Просто я не кричу о каждом своём наблюдении.

— Вот именно поэтому оно и не считается! Наблюдение без заявления — это не наблюдение, это личное впечатление, спроси у любого летописца.

— Фаерстоун. Ты официальный летописец поездки. Ты и есть любой летописец.

— И как официальное лицо я заявляю, — с достоинством сказала Нэя, — что мокрый тюфяк искажает записи.

Кончилось тем, что тюфяк достался Нэе, а Элиза забрала себе место у стены, подальше от очага, — и Лирия отметила, что это было место без сквозняка и с крючком для формы. Элиза Даркфлейм умела проигрывать спор так, чтобы выиграть ночлег.

В медном тазу с дождевой водой замачивали дорожные шерстяные обмотки. Пахло мокрой шерстью, дымом и подгоревшей кашей. Кто-то из младших уронил ложку и полез за ней под лавку, и там застрял, и его вытаскивали за ноги, и все смеялись, и Лирии впервые за четыре дня стало почти уютно.

Астрид разрушила это одной фразой.

— Эмбервуд. Норрингтон. Драконов на шестой ярус, в ка-

зённые стойла. Сейчас.

— Ночью? — спросила Лирия.

— К ночи ворота ярусов закрывают, и тогда твой Зефир ночует во дворе на голом камне, а Пирр — на бочках. — Астрид уже отвернулась к очагу. — Жетоны у Норрингтона. Идёте пешком, ведёте в поводу. И, Эмбервуд.

— Да?

— Рта не открывать. Ни с кем. Особенно на драконьем.

Каэл всё это время стоял у насеста и кормил Пирра.

Лирия увидела это, только когда подошла: тяжёлый красный дракон Элизы вытягивал шею, а Каэл ровно, спокойно скармливал ему полосы вяленого мяса с ладони. Своё. Свою дорожную пайку, ту, что ему выдали утром на станции и которую он не тронул за целый день.

Он заметил её взгляд и не стал делать вид, что ничего не происходит.

— Ему больше нужно, — сказал он. — Он вёз Элизу и половину поклажи, и он бережёт левое крыло.

— А ты?

— А я ужинал вчера.

Он сказал это ровно и коротко, как говорил всё, и спорить было бесполезно. Лирия просто сложила это в память рядом с остальным: банка тюленьего жира в мастерской, заклёпка на толстом ремне, теперь чужой дракон и своя пайка. Каэл Норрингтон заботился действиями. Слов у него на это не было и, наверное, никогда не будет.

Он отдал мясо не своему дракону, — сказал Зефир недовольно.

Он отдал мясо дракону, который устал.

Я тоже устал.

Ты украл свёклу.

Зефир помолчал.

Свёкла — это не мясо, — сказал он с достоинством, и на этом разговор кончился.

Базальтовые пандусы поднимались от яруса к ярусу широкими коленами, и камень под ногами был тёплый.

Это Лирия почувствовала сразу, через подошвы. Не как печка — как остывающий хлеб. Внизу, под всеми семью ярусами, ходил подземный жар, и Пирион грелся об него, и оттого снега тут не было нигде, а в щелях между плитами росла чахлая зелёная трава, в конце зимы, посреди чёрного базальта.

Шаги отдавались гулко. Их было четверо — двое людей, два дракона, — а звучало как рота.

— Не отпускай повод, — сказал Каэл. — Тут на подъёме бывают решётки отдушин, из них бьёт паром. Пирр знает. Твой не знает.

Он оказался прав через сотню шагов.

Из длинной решётки в стене пыхнуло — коротко, с шипением, — и Зефир шарахнулся боком, вскинув крылья, и Лирию повело за поводом, и она успела только упереться пятками.

Горячо! Пахнет тухлым яйцом!

Это сера. Это просто пар.

Пар не пахнет тухлым яйцом. Я знаю пар.

Крылья у него так и стояли — расправленные, дрожащие, — и вот тут Лирия разглядела над головой то, чего снизу сразу не увидишь. Между стенами домов, поперёк подъёма, были натянуты сети. Тонкие, чёрные, почти невидимые, с грузилами по краю. Они висели над пандусом на высоте двух ростов и уходили дальше вверх, ярус за ярусом, и в них кое-где застряли листья и обрывки бумаги.

— Крылья, — сказал Каэл негромко. — Опусти ему крылья.

Зефир. Сложи. Сейчас.

Мне тесно.

Я знаю.

Мне тесно, Лирия. Тут камень сверху и камень снизу, и они дышат. Я хочу вверх.

Он хотел вверх так сильно, что у неё самой заныло под лопатками — тем самым местом, где четвёртый день лежала память о полёте. Абсолютный резонанс не давал соврать ни в одну сторону: она чувствовала его тесноту, он чувствовал её твёрдость.

Нельзя. Выше третьего яруса не летают. Снимут сетями.

Глупый закон.

Очень глупый. Складывай крылья.

Он сложил. Медленно, обиженно, с той особой драконьей неторопливостью, которая означает: я подчиняюсь, но пусть все видят, чего мне это стоит.

Дальше шли молча.

На карауле шестого яруса стояли двое гвардейцев в чёрных кирасах, и рядом с ними, на цепи, висел фонарь, и в его свете кирасы были не чёрные, а масляно-синие.

Каэл сделал шаг вперёд.

И перестал быть Каэлом.

Лирия не могла бы объяснить, что именно изменилось, — плечи он держал ровно и до того, — но изменилось всё. Подбородок пошёл вверх на палец. Взгляд стал скользящим, ленивым, останавливающимся на людях ровно настолько, чтобы их заметить и тут же перестать. Голос он не повысил, наоборот, опустил, и от этого гвардейцы вытянулись раньше, чем он договорил.

— Норрингтон, Фламенхолл. Участник. Жетоны на двух драконов, постой в казённых стойлах до конца Турнира.

— Сопровождающая? — спросил старший, кивнув на Лирию.

— Со мной.

Два слова. Не «Лирия Эмбервуд, участница», не «всадница Абсолютного резонанса», не имя вообще. Со мной. И гвардеец кивнул, потому что для гвардейца этого было достаточно, а для Лирии — нет.

Она стояла в трёх шагах, держала повод и смотрела, как

легко он это надевает. Как перчатку. Там, в тумане над обрывом, он приносил ей горячий настой в жестяной кружке и говорил простыми короткими фразами про долги своего дома, и в этих фразах не было ни единого «извольте». А теперь между ними стояла стена в три пальца толщиной и триста лет высотой, и он даже не заметил, как её поставил.

Ей стало обидно, и она честно себе в этом призналась. Обидно, глупо и не вовремя.

Он опять пахнет по-другому, — сказал Зефир.

Как?

Как камень. Ровно. Он так пахнет, когда врёт не словами.

Ворота ярусов открылись со звуком, который Лирия потом ни с чем не путала: длинный низкий скрежет и удар цепи о камень.

Изнутри пахнуло.

Горелым жиром — тяжёлым, бараньим, пригоревшим ко дну кормовых ям и стоявшим тут, судя по запаху, годами. Железом. Старым навозом. И поверх всего — сухим горячим дыханием драконов, которое Лирия знала с первого дня в Академии и любила больше всех запахов на свете.

А ещё изнутри не доносилось ни звука.

Смотритель Хальд оказался стариком в кожаном фартуке, с масляным фонарём в одной руке и железным скребком в другой. Скребок он не выпускал, даже когда возился с засовом: так и висел на ремешке у запястья.

— Двое? — спросил он громко, как говорят глухие. —

Двое и два? Поздно! Ворота в десять!

— Успели, — сказала Лирия.

— Что?

— Успели!

— А, — сказал Хальд, посмотрел на Каэла, сунул ему в руки фонарь и добавил: — Держи ровнее. И не маши. У конюхов вечно рука пляшет.

Каэл взял фонарь.

Лирия очень старалась не издать при этом ни звука. Наследник дома Норрингтон, участник Турнира Стихий, тот самый, перед которым гвардия вытянулась минуту назад, стоял в чадном проходе и держал закопчённый фонарь ровно, как ему велели, — и по лицу его совершенно ничего нельзя было прочесть.

— Спасибо, — сказала она ему тихо.

— За что?

— За то, что не поправил его.

Каэл повёл фонарём чуть в сторону, освещая ей ступеньку под ногой.

— Он лучше меня знает, что тут нужно делать, — сказал он. — Пусть распоряжается.

Стена не исчезла. Но в ней открылась щёлка, и Лирия эту щёлку запомнила.

Ярусы уходили в глубину полукруглыми нишами, вырубленными в толще камня, в два ряда, одна над другой. Тёплые, сухие, устланные старой соломой. Хорошее место. Та-

кое место, о котором в Академии рассказывали бы неделю: настоящие драконьи ярусы Пириона, под самой Ареной Стихий, где над головой в двадцати саженях чёрный песок и двадцать тысяч мест.

Хальд шёл впереди, шаркая, и указывал скребком.

— Серый — сюда, третья справа, там сток хороший. Красный — вниз, на нижний ряд, он тяжёлый, ему по лестнице незачем. Бурду сейчас принесу, бурда казённая, кто носом крутит, тот не голоден.

Он свернул в боковой ход, и стало слышно, как он там гремит.

А Лирия наконец подняла фонарь — Каэл молча передал его ей — и посмотрела в глубину яруса.

Драконы были там.

Восемь. Она пересчитала дважды, потому что в первый раз не поверила. Восемь взрослых драконов лежали в своих нишах в два ряда, и фонарь доставал до них тускло, вырывая из темноты то бок, то сложенное крыло, то тяжёлую морду на лапах.

Ни один не поднял головы.

Это было неправильно настолько, что Лирия не сразу поняла, что именно неправильно. В драконьих насестах Фламенхолла на любой звук отзывались все: кто-то фыркал, кто-то поворачивался, кто-то приоткрывал один глаз, чтобы убедиться, что ты не еда и не опасность. Дракон — тварь любопытная. Дракон обязан посмотреть, кто пришёл.

Эти не посмотрели.

Цепь на створках ещё грохотала, Хальд гремел вёдрами, чужой молодой дракон пахнул на весь ярус — а восемь старых турнирных драконов лежали, как лежали, и глаза у ближнего были открыты и смотрели в стену.

Зефир.

Я чувствую, — сказал он. Он стоял очень тихо, и хвост у него не двигался совсем, а это у Зефира случалось раз в месяц. — *Лирия, они не спят.*

Знаю.

Они не спят и не молчат. Молчать — это когда решил не говорить. — Он замялся, подбирая, и она чувствовала, как ему трудно, как он ищет человеческое слово для нечеловеческой вещи. — *Тут никто ничего не решал.*

Астрид велела не открывать рта. Особенно на драконьем.

Лирия помнила это очень хорошо. Она помнила и всё остальное: Голос Пламени слышен всем драконам в округе, включая чужих; применить Голос — значит зажечь маяк над своим местом; в полный голос в городе петь нельзя, слышно за две лиги, а до караула шестого яруса было шагов сорок.

Она поставила фонарь на камень и подошла к ближней нише.

— Лирия, — сказал Каэл негромко. Не запрет. Предупреждение.

— Тихо, — сказала она. — Совсем тихо. Одна фраза.

Она не пела в полную силу. Она сделала то, что делают

в Академии на утреннем обходе, когда не хотят будить весь насест: короткий низкий мотив на выдохе, почти шёпотом, три ноты вниз и одна вверх. На драконьем это значило самую простую вещь на свете, ту, что говорят с порога чужого дома.

Мы пришли. Мы свои. Здоровы ли вы.

Голос у неё изменился, как менялся всегда. Речь пошла длинная, плавная, чужая, будто не она говорила, а через неё говорил кто-то очень старый и очень спокойный. Горло чуть кольнуло — на такой малости оно ещё не жгло.

Звук ушёл в глубину яруса, обтёк камень и вернулся.

И ничего не случилось.

Семеро не шелохнулись. Ни один не повернул головы, не дрогнул гребнем, не втянул воздух. Ближний как смотрел в стену, так и продолжал смотреть в стену, и в его немигающем золотом глазу не поменялось ровно ничего, будто в нише устроилась не живая тварь, а очень хорошо сделанная из дракона вещь.

Так не бывает. Дракон на приветствие отвечает всегда — здоровый, больной, злой, спящий. Это не вежливость, это устройство. Всё равно что окликнуть человека по имени и увидеть, что он не вздрогнул.

Лирия обнаружила, что стоит не дыша, и что во рту сухо и кисло, как от медяка на языке.

А потом в дальнем конце нижнего ряда зашуршала солома.

Старый бурый дракон поднимался тяжело, в три приёма,

сначала передние лапы, потом задние, и, поднявшись, пошёл к ней через весь ярус, шаркая по камню, — и в свете фонаря она увидела длинный белый шрам через левое крыло и морду, всю в мелких старых рубцах, добрую и сонную, как у большой уставшей собаки.

Он дотянулся до её руки и ткнулся в ладонь тёплым сухим носом.

— Оррин это, — крикнул из бокового хода Хальд, гремя ведром. — Он ко всем лезет! Двести лет ему, а всё как щенок. Под челюстью почеши, он за это душу продаст.

Лирия почесала под челюстью. Чешуя там была тёплая, чуть шершавая, и дракон прикрыл глаза и заворчал от удовольствия так низко, что задрожало под подошвами.

А потом Оррин ответил ей на приветствие.

Он завёл ту же короткую фразу — три ноты вниз и одна вверх, как положено, как отвечают гостю, — и повёл её дальше, к продолжению, к длинному спокойному обороту, который на драконьем значит «дом мой открыт, и я в нём хозяин». Голос у него был низкий, дымный, с трещинкой, красивый старческой красотой.

Он дошёл до середины фразы.

И оборвался.

Не замолчал. Не решил не продолжать. Звук просто кончился на полутакте, на подъёме, там, где остановиться нельзя, — так обрывается нота, если певцу зажали горло рукой. Дракон дёрнул головой, глотнул, попробовал взять снова,

взял, дошёл до того же самого места и опять упёрся в пустоту.

После третьего раза он перестал пробовать. Он потоптался, вздохнул, лёг у её ног и положил морду на лапы, и вид у него был виноватый.

Лирия стояла с протянутой рукой и не могла её опустить.

— Что это было? — спросил Каэл очень тихо.

Она не ответила. Она смотрела в темноту яруса, где лежали семеро, не сказавшие ни звука, и через связь в неё медленно, как холодная вода в сапог, входило то, что видел и понимал Зефир, — а Зефир, как всякий дракон, помнил всё, что видел, и умел показывать это картинками, без слов.

Он показал ей насест Фламенхолла в первое утро. Как на чужой шаг отзывается сразу весь ряд.

Показал горную стоянку и Гвинн, старую драконицу Астрид, отвечающую сквозь сон, не открывая глаз.

Показал лазарет Академии, десять искалеченных, снятых с рун, — и как даже они, полудохлые, с мёртвыми пятнами на чешуе, тянули на приветствие свои рваные, заикающиеся, но живые фразы.

А потом показал этот ярус. Восемь ниш. Тишину.

Лирия, — сказал Зефир, и голос его в её голове был совсем не дерзкий, а маленький и очень ровный, каким говорят, когда боятся сорваться. — *Дракон не может не ответить. Это не выбор.*

Она наконец опустила руку.

Хальд вышел из бокового хода с двумя вёдрами, поставил их с грохотом, посветил вокруг и остался вполне доволен тишиной в ярусе.

— Смирные они, — сказал он с гордостью. — Лучшие драконы в городе. Никакого шума, никакого дурства. Их за то и держат.

Он навалился на створку, и цепь легла в паз.

А Лирия стояла над старым Оррином, который не смог допеть, и знала уже наверняка: семеро в темноте вовсе не смирные. Они не отвечают, потому что не могут.

Кто-то отнял у них песню. Всю, целиком, до конца — а у Оррина не успел, и потому его голос обрывался ровно посередине.

Глава 5. Три к одному

Утро на Гостевом Дворе началось с того, что Нэя потеряла очки.

Она потеряла их не совсем: средние были сломаны ещё в дороге, дальние лежали в футляре, а ближние, для чтения, обнаружились под её же локтем, на скамье, придавленные тетрадью летописца. Но пока они нашлись, Нэя успела обшарить оба тюфяка, залезть под стол, обвинить Элизу и дважды объявить, что без очков она беспомощна, как крот в полдень.

— Крот в полдень, — сказала Элиза, не отрываясь от шнуровки сапога, — по крайней мере молчит.

Лирия сидела у очага и грела руки о кружку. Пол подворья был тёплый снизу, как печная лежанка: город грелся изнутри, и оттого зимой на террасах не держался снег. За ночь она успела привыкнуть и всё равно вздрагивала каждый раз, когда босая пятка вставала на камень и не отдёргивалась.

Через связь дотянулся Зефир. Он был в трёх ярусах выше, в казённых стойлах, и вместо слов прислал ощущение — низкий потолок, спёртый воздух, чужие запахи со всех сторон.

Тут пахнет железом и чужим страхом, — сказал он. — *И потолок. Он близко.*

«Потерпи. Я приду вечером.»

Я не жалуюсь. Я сообщаю.

Лирия улыбнулась в кружку.

Астрид вошла со двора, впустив в комнату полосу холодного воздуха, и хлопнула дверью так, что с полки съехал ковш. Хромала она сегодня сильно — к сырости всегда хромала на левую, — и от этого была ещё громче обычного.

— Сели все, — сказала она. — Быстро. Пока я не начала объяснять то же самое каждому по отдельности.

Сели все. Даже Каэл, который стоял у окна и до этого выглядел так, будто садиться ему не положено по рождению.

— Город, — начала Астрид, — вам не Академия. В Академии вас, дураков, ловят и наказывают свои. Здесь вас ловят и наказывают чужие, и я за вас в этом случае не заступлюсь, потому что мне нечем. Казна пустая. Вчера последнее серебро ушло приставу за драконий сбор. Ясно?

— Ясно, — сказала Нэя за всех.

— Не ясно. Слушайте правила и запоминайте с первого раза. Первое: над третьим ярусом не летать. Вообще. Никогда. Даже кругом, даже низко, даже если вам покажется, что без этого никак. Гвардия ставит сигнальные сети, и сеть не разбирает, кто в ней запутался — курсант, посол или королевский вестовой. Дракон в сети ломает крыло, всадник платит штраф, которого нет ни у кого из вас.

Лирия невольно задрала голову к закопчённым балкам.

— Второе, — продолжала Астрид. — На пятый ярус без письменного допуска не ходить. Там архивы, казначейство и половина двора, и там у ворот стоят люди, которым пла-

тят именно за то, чтобы отличать приглашённых от любопытных. Третье: на седьмой ярус драконов не поднимают вовсе. Никаких. Ни под каким предлогом. Седьмой — королевский, и дракон там бывает один раз в году, в день Договора, и то по особому указу.

— А если дракон сам? — спросила Нэя.

— Тогда, Фаерстоун, у гвардии будет с вами разговор короткий и громкий, и закончится он не в вашу пользу.

Нэя записала. Она записывала всё; тетрадь летописца с печатью Академии была её главной гордостью в этой поездке, и она носила её под плащом, как младенца.

— Дальше, — сказала Астрид. — Припасы. Мази у нас нет, брезента у нас нет, а сбруя после перевала выглядит так, что мне стыдно. Внизу, на втором ярусе, торг. Там дешевле, чем здесь, вдвое. Идёте, покупаете, возвращаетесь до темноты. Деньги — вот. — Она выложила на стол горсть меди и оглядела её так, будто это дохлая мышь. — Тратить как свои последние, потому что они и есть последние.

Элиза, не глядя, подвинула к общей горсти ещё три монеты. Сделала она это ровно так, чтобы никто не успел ни поблагодарить, ни заметить, и тут же сказала:

— Только, будьте любезны, не позвольте Эмбервуд торговаться. Она начнёт щупать товар руками, и по ней всё поймут.

— По мне и так всё поймут, — сказала Лирия. — Я в этом городе родилась.

Это вышло не резко, а просто. Элиза приподняла бровь и промолчала, и в её молчании было больше уважения, чем в любой её фразе.

— Провожатый нужен, — сказала Астрид. — Кто город знает?

— Я, — сказал Каэл от окна.

Он повернулся, и Лирия сразу поняла, что чего-то не будет. Со вчерашнего вечера, с караула шестого яруса, где он назвал её сопровождающей и произнёс это чужим ровным голосом, между ними стояла тонкая стеклянная стенка. А ведь днём раньше, в тумане над ущельем, он сам рассказал ей про долги своего дома канцлеру — никто не тянул. Сегодня он держал спину так, будто с шести лет учился держать её именно перед ней.

— Дом Норрингтон имеет в Пирионе представительство, — сказал он. — Я бывал здесь каждую весну. Провожу.

— Вот и славно, — сказала Астрид. — Фаерстоун, ты с ними. Заодно погляди, где у них тут пятый ярус начинается. Глазами, Фаерстоун. Ногами не ходить.

Нэя сделала лицо совершенно невинное. У неё в подкладке плаща был зашит письменный допуск в Белую Башню, выданный ей как летописцу Академии, и об этом знали ровно два человека, и Астрид в их число не входила.

— Я только посмотрю, — сказала Нэя.

— Угу, — сказала Астрид. — Иди, летописец. И очки надень, а то будешь описывать в тетради то, чего не было.

Они вышли впятером во двор, где Гвинн, старая бурая драконица Астрид, лежала у стены и жмурилась на солнце. Каэл пропустил Лирию вперёд в воротах, и это была безупречная вежливость, ровно та, которую оказывают незнакомой даме.

Она предпочла бы, чтобы он толкнул её плечом, как на перевале.

Вниз с третьего яруса на второй вела крытая галерея, а потом каменная лестница в двести с лишним ступеней, стёртых посередине до блеска. Лирия шла и слушала город.

Пирион не умел молчать. Верёвочные подъёмники ходили на противовесах вдоль всей стены, и каждый скрипел на свой лад: один тонко, второй с подвыванием, третий сухо щёлкал через раз. Где-то внизу били по железу. Из решётки в стене толкнулось тёплое, и Нэя ойкнула и схватилась за кудри, которые от пара немедленно встали дыбом.

— Это подземный жар, — сказала она с восторгом. — Я читала. Он идёт из-под города по каналам и греет террасы, и его отводят через отдушины, чтобы не копилось. Лирия, ты знала?

— Знала, — сказала Лирия.

Она знала это не из книги. Она знала это как знает человек, который в семь лет грелся у такой отдушины всю зиму, потому что в приюте при литейне топили только там, где стояли формы.

Но говорить об этом не стала.

Торговая площадь квартала послов ударила по ним сразу, как только кончилась лестница.

Здесь пахло всем сразу: жареным миндалём в меду, чужими специями с южных подворий, кожей, горячим маслом, дымом от жаровен. Кричали на четырёх языках, и Лирия узнавала только один. Послы в тяжёлых бархатных плащах шли через толпу медленно, как корабли, и толпа расступалась перед гербами. Мальчишка-водонос с медным кувшином и связкой кружек на поясе кричал что-то одно и то же, пронзительно, и получал монету примерно у каждого десятого.

Нэя остановилась на первом же лотке и пропала.

— Это что? — спросила она у торговки.

— Орех калёный, красавица. Три за медяк.

— Три за медяк — это грабёж, у нас во Фламенхолле… — Нэя взяла один, попробовала, замолчала и после паузы сказала совсем другим голосом: — Дайте шесть.

Дальше был лоток с гусиными перьями, и там Нэя торговалась всерьёз, с азартом, ссылаясь на цены прошлого года, которых знать не могла, и всё-таки сбила цену на связку. А потом, отступая от прилавка с видом победительницы, задела локтем футляр от очков, и футляр улетел в соседний лоток с сухими травами и утонул в ромашке.

— Ой, — сказала Нэя.

Травница молча выудила футляр из ромашки, вытряхнула траву обратно в короб и вернула хозяйке с таким лицом, что

даже Элиза отвернулась.

Лирия занималась делом. Ей нужны были шорная мазь и брезент, и она нашла и то и другое у одного шорника — квадратного человека с руками кузнеца и голосом церковного чтеца.

Мазь была хорошая, дешёвая, пахла дёгтем и салом. А брезент она щупала долго. Разворачивала, тянула на просвет, мяла угол в кулаке, нюхала.

— Берёте? — спросил шорник.

— Кромка прелая, — сказала Лирия. — Тут и тут. Мокло у вас в углу, а вы завернули внутрь.

Шорник впервые за весь разговор поднял на неё глаза.

— Второй рулон возьмёшь? С него на четверть дороже.

— Возьму, если развернёшь весь.

Он развернул весь. Брезент был сухой и жёсткий, как надо. Лирия отсчитала медь и почувствовала себя человеком.

Она обернулась и наткнулась на взгляд Каэла — он стоял в трёх шагах, держал уже купленное и смотрел на её руки. Одну секунду в его лице было что-то живое, почти весёлое.

Потом он шагнул ближе, поднял руку и машинально смахнул с её воротника прилипшую нитку от брезента — коротко, привычно, как делают своим.

И тут же убрал руку. Отдёрнул. Так, будто обжёгся о собственный жест.

— Прошу прощения, — сказал он ровно.

— За что? — спросила Лирия.

— Здесь так не делают.

— Здесь — это где?

— Здесь, — сказал Каэл, и это было всё, что она получила.

Он отвернулся и пошёл вперёд, и спина у него была прямая, как чертёж. Лирия постояла, чувствуя на воротнике место, которого он коснулся, и обозлилась — на него, на город, на себя за то, что заметила.

Он опять? — спросил Зефир откуда-то сверху. — Я чувствую, ты злишься.

«Не лезь.»

Я не лезу. Я рядом. Это разное.

Нэя нашлась у стены менялы, где щурилась на вывеску, задрав голову.

— Тут написано «репа», — объявила она. — Меняла торгует репой. Это какая-то столичная шутка, которую я не понимаю.

Элиза подняла взгляд на вывеску.

— Это вепрь, Фаерстоун. Гербовый вепрь дома Ольгард.

— У него ботва.

— Это клыки.

— Это ботва, — упрямо сказала Нэя, — а очки мои сломались на перевале, и я вам всем ещё припомню, кто на них сел.

Про то, кто сел на очки, спорили ещё половину площади, и Лирия слушала и почти успокоилась.

А потом они вышли к книгам ставок.

Конторы стояли в ряд у северной стены площади, под навесами, и каждая выставила наружу аспидную доску в человеческий рост. У досок толпились. Зазывала у крайней конторы — тощий парень в переднике с меловой пылью — колотил деревянным молотком по раме и кричал:

— Санстрайк! Ивет Санстрайк, дом Санстрайк, дракон Аурелия! Один к пяти на выход в третий круг, господа, один к пяти, лучше цены в городе нет!

Нэя остановилась как вкопанная.

— Ох, — сказала она. — Ох, вот это интересно.

Доски были расчерчены мелом на столбцы: имя, дом, дракон, цифры. Мел скрипел не переставая: служка в фартуке лазил по стремянке и правил числа, стирая старые ладонью, и от этого над досками висела белая пыль.

Ивет Санстрайк стояла в самом верху. Против её имени было написано столько, что Лирия сначала решила, будто это не деньги, а какой-то счёт судейства.

— Это ставка? — спросила она.

— Это сумма ставок, — сказала Элиза. Голос у неё был спокойный, но доску она разбирала строчку за строчкой. — Восемь тысяч крон на то, что она дойдёт до третьего круга. Половина двора уже при ней. Вторая половина ждёт, пока цена подрастёт.

— Восемь тысяч.

— Крон, — подтвердила Элиза. — Не медяков.

Лирия попыталась переложить восемь тысяч крон в то,

что понимала: в дни работы, в мешки угля, в брезент по цене шорника. Не переложилось. Число просто стояло на доске белым по чёрному и ничего ей не говорило, кроме одного: там, наверху, живут по-другому.

Она пошла вдоль доски глазами вниз. Имена шли столбцом, и чем ниже, тем мельче писал служка.

Своё она нашла в самом низу.

«Эмбервуд Л., Фламенхолл, дракон Зефир».

И рядом — «3 к 1 против выхода из отбора».

— Это как читать? — спросила она. И сама услышала, что голос вышел не свой.

Нэя открыла было рот, но её опередил зазывала. Он уже стоял рядом — почуял покупателя, как чуют мухи мёд, — и сказал бодро, весело, без всякого зла:

— А это, красавица, значит, что ставишь медяк — берёшь три, если девчонка из Фламенхолла продержится в отборе. Дают три к одному, потому что не продержится. Никто на неё не берёт. Ставки чистые, деньги в конторе, книга казённая, всё по закону.

— А почему не продержится? — спросила Лирия.

— Так а с чего бы? — Зазывала пожал плечами и почесал мелом за ухом, оставив белый след. — Первый курс, роду нет, дракон молодой, года под седлом не отходил. Против неё в первом круге — люди со своими манежами и своими наставниками. Я тебе больше скажу: её и вписали-то не для счёта, а для вида, чтобы Академия была представлена. Три

к одному — это ещё по-божески. Утром было четыре.

Лирия стояла и слушала, как ей объясняют, во что она обойдётся.

Странно было не то, что он говорил. Странно было, как он говорил: без злобы, спокойно, как говорят о погоде или о цене на сено. Для него на доске не было никакой Лирии. Была строчка, которая приносит контору три медяка с одного, и её ещё утром пришлось поправить, потому что кто-то всё-таки поставил.

Ей стало холодно и обидно, и она разозлилась на себя за обиду. Она вытерла ладони о плащ.

— А кто поставил? — спросила Нэя.

Голос у неё был совершенно другой, чем минуту назад над репой и вепрем. Ровный, вежливый, скучающий голос человека, который спрашивает из вежливости.

— Да мало ли, — сказал зазывала.

— Мне для летописи, — Нэя показала тетрадь с печатью. — Академия ведёт запись поездки. Мне велено вписать, сколько на курсантов идёт денег. Сколько — не кто. Это ведь можно?

— Это можно, — согласился зазывала, польщённый печатью. — Суммы у нас открытые, у нас книга казённая.

Он поманил их под навес.

Внутри конторы пахло мелом, чернилами и сургучом. На стойке лежала толстая книга, разграфлённая от руки. Служка с неохотой развернул её и ткнул ногтем в столбцы, а Нэя,

сдвинув на нос ближние очки, повела по строчкам — быстро, без выражения, губами повторяя числа.

Лирия смотрела через её плечо и понимала одно из трёх слов. Но одно она поняла точно: против нескольких строк стояло не имя дома, а короткая пометка и оттиск печати — маленькой, аккуратной, с зубчатым краем.

И суммы против этих строк были большие. Гораздо больше всего остального на этой странице.

— А это чьё? — спросила Нэя, не поднимая головы.

— Это через канцелярию, — сказал служка. — Такие ставят закрыто. Имя не пишем, пишем «казённое поручение». Законно.

— Через какую канцелярию?

— Через лорд-канцлерскую, красавица. У нас другой нету.

Нэя кивнула так же скучающе и записала три числа в тетрадь, и Лирия увидела, что записала она их не в строчку, а вразбивку, будто расходы на овёс.

— Благодарю, — сказала Нэя.

Каэл, стоявший всё это время у входа, шагнул внутрь.

— Довольно, — сказал он.

Зазывала повернулся к нему с прежней весёлостью и осёкся. Каэл не повышал голоса. Он его понизил — и от этого в конторе стало тише, чем было.

— Вы объяснили девушке, что она вписана для вида, — сказал он. — Вы не знаете ни её, ни её дракона, ни того,

сколько она летает. Вы знаете цифру, которую вам утром написали мелом. Я бы на вашем месте не считал это знанием.

— Господин хороший, — начал зазывала, — да я ж без обиды…

— Я вижу, что без обиды. Это хуже.

Он положил на стойку медяк — один, — и сказал:

— Ставлю. На Эмбервуд, на выход из отбора. Запишите.

Служка молча записал.

Каэл вышел, не оглядываясь, и остальным пришлось идти за ним. На площади он остановился и подождал, пока подойдут, и лицо у него снова было безупречно вежливое и ничего не выражающее.

— До темноты нужно вернуться, — сказал он. — Идём верхней галереей, там короче.

— Ты поставил медяк, — сказала Лирия.

— Я поставил медяк.

— Один.

— У меня в кармане был один, — сказал Каэл. — Остальное у нас общее и на брезент.

Он пошёл вперёд. Лирия шла сзади и злилась уже совсем по-другому.

Элиза поравнялась с ней и, глядя строго перед собой, обронила:

— Три к одному — хороший коэффициент, Эмбервуд. На меня в прошлом году давали два. Я выиграла, и никто не разбогател. Унизительнее со мной ничего не случалось.

Верхняя галерея вывела их к переходу между вторым и третьим ярусами — открытой террасе, повисшей над пустотой, с чугунными перилами и чугунными же решётками в полу вдоль всей внешней стороны. Солнце уже висело низко и красное, за зубцами верхнего яруса, и по камню тянулись длинные тени.

Нэя ушла вперёд с Элизой, споря про репу, и голоса их удалились за поворот.

Лирия остановилась у перил.

— Ты сегодня со мной как с чужой, — сказала она.

Каэл ответил не сразу.

— Я веду себя так, как здесь принято, — сказал он. — В Пирионе всё видно. Кто с кем стоит, кто кому подаёт руку, кто чей воротник трогает. За этим следят люди, которым за это платят, и к вечеру об этом знают в трёх домах.

— И что?

— И то, что на тебя ставят три к одному, — сказал он. — А завтра поставят иначе, если решат, что ты чья-то. У нас говорят не «девушка Норрингтона». У нас говорят «протеже дома Норрингтон». Это звучит вежливо и означает, что всё, чего ты добьёшься, будет засчитано моему отцу.

— Значит, ты бережёшь мою честь.

— Я берегу твою победу, — сказал Каэл. — Это разные вещи, и вторая мне сейчас важнее.

Прозвучало правильно. Ровно, разумно, по-норрингтоновски.

И всё-таки он смотрел мимо неё, на перила, а Лирия уже знала, что смотреть мимо он начинает тогда, когда сказанное — правда, но не вся.

— Дальше договоришь? — спросила она.

— Не сегодня.

Вот и всё. Он не умел отмалчиваться, когда спрашивали прямо, поэтому научился молчать заранее.

Снизу сквозь решётку ударил пар.

Он пошёл плотным горячим столбом, серым и мокрым, пахнущим окалиной и серой, и на секунду закрыл всю террасу. Лирия зажмурилась и отступила, а когда открыла глаза, столб уже редел, расползался, уходил вверх рваными клочьями.

Что это? — Зефир дёрнулся в её голове, раздражённый, взмокший в своей каменной нише тремя ярусами выше. — У вас там тоже дышать нечем?

«Тут просто пар.»

«Просто». Ты стоишь и смотришь вниз. Я чувствую. Что там?

Лирия вернулась к перилам и перегнулась через тёплый чугун.

Терраса нависала над обрывом уступами, и уступы уходили вниз, ярус за ярусом, всё темнее и теснее, и на самом дне, там, где город кончался и начинался подземный жар, лежали Нижние Печи.

Отсюда, сверху, они были похожи на угли, которые забыли

залить.

Красное марево стояло над кровлями ровно, не мигая, и в нём проступали чёрные горбы литейных крыш и трубы. Труб было много, десятки. Все дымили в одну сторону, и дым не поднимался, а стелился, потому что был тяжелее воздуха. Между крышами шевелились крошечные огни — открытые горны, которые видно с полулиги. И снизу шёл звук: ровный сплошной гул, будто там, под городом, медленно дышало что-то большое.

Лирия смотрела и узнавала.

Вон там, где две трубы стоят рядом и между ними мостки, — литейня Гроума. Приют был при ней, за стеной, в бывшем складе формовочной земли, и стена всегда была тёплая, и на ней спали кошки, и дети тоже, если пускали. Вон дальше, где красное гуще, — красильни: там пар цветной, и по утрам он розовый, и это было единственное красивое, что она в детстве видела бесплатно.

Она отработала в этих галереях шесть лет. Сначала таскала воду, потом подавала формы, потом уже её пускали к горну — и первый ожог на кончиках пальцев, тот самый, который потом стал вечным, был оттуда, с формы, которую она взяла без рукавицы, потому что рукавицы были одни на троих и в них работал старший.

А наверху, в двух ярусах отсюда, служка мелом писал восемь тысяч крон против имени девушки, которая, как говорят, хорошо держится в седле.

Лирия стояла и складывала это в голове, медленно, как складывают тяжёлое.

Верхний Пирион делил ставки, титулы и места на трибунах. Он спорил о фаворитках, носил бархат с гербами и платил конторам, чтобы конторы называли числами живых людей. Он ел жареный миндаль в меду и торговался за гусиные перья.

Всё это стояло на угле, железе и людях, которые внизу с четырёх утра держали горн.

И никто наверху про них не помнил. Не из злобы. Просто не думал — как не думают о фундаменте, пока он держит.

Она знала этот фундамент изнутри. Знала, сколько там стоит день жизни и во что обходится ошибка. И вот это, оказывается, и было её единственное настоящее преимущество в столице: она одна из всего отряда умела читать нижнюю половину этого города.

Дым внизу шевельнулся, и ей показалось, что горны на секунду вспыхнули ярче — все разом, как будто там открыли какую-то большую дверь.

Лирия. — Зефир будто убавил голос. — *Ты вспоминаешь плохое?*

«Я вспоминаю своё.»

— Пора, — сказал за спиной Каэл. — Ворота подворья закрывают с темнотой.

— Иду.

Она отошла от перил и ещё раз оглянулась вниз, на крас-

ное марево, на трубы, на дым, который стелился по кровлям и не хотел подниматься.

И только на лестнице, уже в темноте, поняла, что́ её зацепило.

Дым из Нижних Печей шёл, как и положено, из всех труб.

Кроме двух.

Над двумя трубами литейни Гроума — тех самых, между которыми мостки, тех самых, за стеной которых она спала ребёнком, — не было ничего. Ни дыма, ни пара, ни красного.

За шесть лет её детства эти горны не гасили ни разу.

Глава 6. Присяга на чёрном песке

Парадная форма была чужая и жала под мышками, и Лирия уже полчаса стояла в ней смирно, стараясь не думать о том, что до отборочного круга остался один день.

Пандус шестого яруса поднимался широкой чёрной лентой, и по бокам его горели факелы в железных лапах, вбитых прямо в базальт. Смола в них трещала и капала, и запах шёл густой, праздничный, тот самый, от которого у Лирии всегда почему-то делалось голодно. Внизу, ярусами, лежал вечерний Пирион: тысячи масляных фонарей на террасах, ряд за рядом, будто кто-то рассыпал по склону горсть углей и они не гасли. Красиво было до неприличия. Лирия поймала себя на том, что стоит и смотрит с открытым ртом, как приезжая, и заставила себя опустить глаза на носки сапог.

— Не крути головой, — сказала Астрид, не поворачиваясь. — Двойка Фламенхолла. Первый номер Даркфлейм, второй Эмбервуд. Идёте ровно, драконы в полкорпуса позади. Кто собьёт строй, тот сегодня же чистит стойла до утра, и я не шучу, я вообще редко шучу.

Астрид стояла впереди с расстёгнутым воротом, потому что застёгивать его отказывалась даже перед троном, и левую ногу держала чуть на отлёте. Лирия знала эту повадку: нога у наставницы ныла к сырости, а на шестом ярусе от факелов и жаровен воздух стоял влажный и тяжёлый.

Местных было много. Очень много. Крылья королевской гвардии в золочёной броне, всадники домов с гербами на чепраках, две академии из южных провинций, чьих названий Лирия не запомнила, потому что их выкрикнули один раз и слишком быстро. Брони блестели так, что от них слепило сильнее, чем от факелов. Кто-то смеялся, кто-то ругался из-за места в колонне, где-то в глубине строя дракон с рёвом требовал, чтобы ему дали развернуться.

Фламенхолл стоял с краю. Их было двое.

— Стой ровно, — сквозь зубы сказала Элиза.

Она стояла ровнее всех и была бледнее обычного. Её камзол при факелах выглядел безупречно — если не знать, что рукава перешиты из старого материнского, а шов на спине проложен заново дважды. Лирия знала. И знала ещё, что говорить об этом нельзя ни при каких обстоятельствах, даже шёпотом, даже с добром: за добро Элиза кусалась больнее, чем за насмешку.

— Дай сюда, — вдруг сказала Элиза и цапнула Лирию за ремень сбруи.

— Что?

— Пряжку. Она у тебя тусклая, как медный грош.

Элиза стянула с ноги сапог, вытащила из-за голенища кусок воска, которым натирают ремни, и принялась тереть латунную пряжку рукавом. Ту самую, запасную, которую сама же неделю назад отдала со словами «у меня лишняя, не воображай». Тёрла зло и быстро, поворачивала к свету, нахо-

дила новое тусклое место и бралась за него, пока латунь не начала бросать маленький рыжий отблеск.

— Вот, — сказала она. — Теперь по крайней мере видно, что мы не подобрали упряжь на свалке.

— Мы подобрали её на свалке.

— Мы её выкупили. Это разные слова, Эмбервуд.

Зефир переступил с лапы на лапу, и Лирия почувствовала его раньше, чем услышала. Не тревогу даже — тесноту. Ему было плохо от количества. Слишком много чужих драконов, слишком близко, слишком высокие стены, и над всем этим тянулись противолётные сети, которые он ненавидел с первого дня в столице.

Их тут сорок, — сказал он в голове коротко и сердито. — Я считал. Сорок два. И половина смотрит на меня.

«Пусть смотрят. Ты же любишь, когда смотрят.»

Люблю, когда смотрят с восхищением. А эти оценивают, как лошадь на торгу.

Он всё-таки вытянул шею и повернул её, показывая серебристый бок в самом выгодном свете. Лирия не стала говорить, что заметила. Он бы обиделся.

— Стой, стой, стой, — раздалось сзади, и на них накатилась Нэя. — Не двигайся. Умоляю. Лирия, у тебя на щеке чернила.

— Где?

— Здесь. Тут. Везде.

Нэя сунула свиток церемониала под мышку, послюнявила

уголок платка и полезла Лирии в лицо, привстав на цыпочки. От неё пахло чернилами, воском и почему-то яблоками.

— Это ты сама и посадила, когда писала мне список порядка выхода.

— Я посадила его на бумагу, а не на тебя. — Нэя тёрла со всей серьёзностью летописца при исполнении. — Так, во-первых, оно не оттирается. Во-вторых, при таком свете его не видно. В-третьих, я всё равно буду тереть, потому что в летописи будет написано, что представительница Академии вышла на арену с чистым лицом, а я не хочу врать в собственном труде.

Свиток выскользнул у неё из-под локтя и упал точно между когтей Пирра.

Пирр — тяжёлый красный дракон Элизы, медлительный до полного равнодушия к миру — опустил громадную голову и с интересом обнюхал бумагу. Потом дохнул. Свиток отлетел на два шага и развернулся.

— Он его съест, — сказала Нэя тонким голосом.

— Он его не съест, — ответила Элиза. — У него вкус лучше.

Нэя кинулась спасать церемониал, попутно наступив себе на подол, и Лирия вдруг обнаружила, что ей стало легче дышать. Вот так это работало: полчаса стоишь и трясёшься перед двадцатью тысячами чужих глаз, а потом кто-то роняет бумажку под дракона, и мир снова становится нормального размера.

— Строй! — рявкнула Астрид.

Колонна двинулась. Ударили литавры — медные, огромные, где-то у самых ворот, и звук пошёл понизу, через камень, через подошвы, в колени. Столичное крыло справа прибавило шагу, и золочёные плечи начали теснить фламенхоллцев к парапету, аккуратно, вежливо, как теснят в очереди человека без имени. Лирия почувствовала за спиной холодный камень.

— Уступи, — тихо сказал Каэл.

Он шёл третьим от них, при своём доме, при своей форме, и смотрел прямо перед собой. За два дня в столице он ни разу не поздоровался с ней первым, и она уже почти привыкла.

— С чего бы?

— С того, что через сто шагов пандус расширяется, а они выдохнутся. — Он по-прежнему смотрел вперёд. — Уступать место в толпе и уступать в деле — разные вещи. Сегодня первое ничего не стоит.

Лирия шагнула к парапету. Столичные прошли вперёд, блестя.

Через сто шагов пандус расширился, и Фламенхолл спокойно вернулся в свою линию.

— Терпеть тебя не могу, — сказала она вполголоса, глядя прямо перед собой.

Уголок его рта дрогнул, и это было всё, что он себе позволил.

А потом впереди распахнулись ворота.

Свет ударил весь разом. Тысяча фонарей по борту чаши, огонь в чашах на столбах, белое зарево над трибунами — и рёв. Двадцать тысяч глоток кричали одновременно, и звук был не звук, а как вода: он налетел, накрыл с головой и потащил. Зефир под рукой Лирии весь подобрался, крылья пошли вверх, и она успела положить ладонь ему на шею и удержать.

«Со мной. Слышишь? Со мной.»

Слышу.

Они вышли на чёрный песок.

Песок хрустел под сапогами — кварцевый, мелкий, чёрный до синевы, и когти драконов уходили в него по первый сустав. Сверху сыпались конфетти и сухие лепестки, кружились в горячем воздухе, оседали на чешую. Один лепесток сел Зефиру на нос. Он скосил глаза, чихнул, и лепесток сгорел, не долетев до земли.

Лирия задрала голову.

Чаша уходила вверх кругом, ряд за рядом, ступени, ложи, знамёна, лица, лица, лица до самого края, где небо было уже чёрное. Двадцать тысяч. Она никогда в жизни не видела столько народу в одном месте, даже не подозревала, что столько бывает. И все они пришли смотреть.

Вот теперь мне нравится, — сказал Зефир.

Она засмеялась, и никто в этом грохоте её не услышал.

Участников выстроили в круг по внутреннему борту.

Восемь академий и крыльев, тридцать с чем-то всадников

— Лирия сбилась, пересчитывая. Ближе к королевской стороне стояли гвардейские. Дальше южане в лёгких песочных плащах. Совсем рядом с Фламенхоллом оказался высокий парень на штормовом драконе, синем в тёмных полосах, и парень этот, едва встав на место, начал разговаривать.

Громко. Со всеми сразу.

— Стормвейл, — уронила Элиза, не разжимая зубов. — Ренник. Дом со связями и наследник без стыда.

Ренник Стормвейл гарцевал. Иначе это не назвать: он гонял дракона мелким шагом вдоль борта, кланялся ложам, вскидывал руку трибунам, и трибуны отвечали ему — свой, шумный, знакомый по прошлым Турнирам. Потом он развернулся и оглядел фламенхоллцев с головы до ног, с тем откровенным любопытством, с каким смотрят на телегу, застрявшую посреди дороги.

— Это и есть горная академия? — спросил он в пространство. — Двое? Я думал, будет хотя бы отделение.

Элиза не повернула головы.

— А сбруя-то, — продолжал Ренник, довольный. — Господа, гляньте на шов. Нет, вы гляньте. Это же ремонт. Они приехали на Турнир Стихий в чиненой упряжи.

Где-то сзади хохотнули.

Лирия почувствовала, как у Элизы окаменела спина. Не от обиды даже — от того, что попали точно. Из всех возможных слов Ренник выбрал единственное, которое Элизу резало.

— Ремонт, — сказала Лирия громко. — Ага. Двойной шов внахлёст, вощёная нить. Держит семь лет. А у тебя на подпруге пряжка литая, красивая, только литьё пористое, вон раковины по краю видно. Такая на третьей нагрузке лопается.

Ренник моргнул.

— Что?

— Пряжка, говорю, дрянь. Красивая дрянь. Ты хоть смотри, чтобы она у тебя на вираже не лопнула, а то полетишь отдельно от седла.

Смех сзади переменил хозяина. Смеялись теперь не над Фламенхоллом, и Ренник услышал это первым — на такое у него был тонкий слух. Он подобрал поводья, лицо у него стало нехорошее, и он тронул дракона ближе.

И в этот момент над ареной с треском лопнула сигнальная шутиха.

Она была всего одна, для начала церемонии. Наверху хлопнуло белым, тень от борта прыгнула вбок, и Лирия успела подумать: сейчас будет плохо. Зефир шарахнулся, сложил уши, втянул воздух — весь, разом, как втягивает перед пламенем, — и не удержался.

Он чихнул.

Из ноздрей вылетели белые искры, короткой быстрой горстью, и всё это ушло вбок, точно в парадный чепрак штормового дракона. Бахрома на чепраке, золотая, шитая, в две ладони длиной, вспыхнула и мгновенно осыпалась чёрными

хлопьями. Штормовой дракон взвизгнул, дёрнул крупом и присел на задние лапы, и Ренник Стормвейл, наследник дома со связями, чуть не оказался на чёрном песке в парадной броне.

Тишина продержалась один удар.

Потом ближние ряды заревели от восторга.

Я не нарочно, — сказал Зефир очень честно и очень поспешно. — Оно само.

«Я знаю.»

Совсем не нарочно.

«Зефир.»

Ну ладно. Не совсем совсем.

Ренник выровнял дракона, обернулся, и в лице у него было уже настоящее, некрасивое.

— Ты, — начал он.

— Стормвейл.

Голос был негромкий и женский, и он остановил Ренника вернее, чем крик.

Она подъехала с левой стороны — смуглая, высокая, стриженная так коротко, что при свете фонарей была видна форма головы. Золотые кольца в ушах. Никакой золочёной брони: простая кожа королевского крыла, потёртая на локтях, и седло, которым явно работали, а не хвастались. Дракон под ней был крупный, песочный, широкий в груди и с виду откровенно сонный.

Трибуны, увидев её, взяли на тон выше. Она даже не по-

смотрела наверх.

— Ивет Санстрайк, — выдохнула Нэя откуда-то из-за борта, где стояли летописцы. — Это она. Чемпионка. На неё вся доска ставит один к пяти, помнишь?

— Стормвейл, — повторила Ивет. — У тебя дракон сел на задние лапы от одной искры. При двадцати тысячах зрителей. Ты понимаешь, что ты сейчас показал всей арене?

— Он поджёг мой чепрак!

— Он чихнул. — Ивет говорила без всякого выражения, как читают список. — Твой дракон не держит баланс на месте. Значит, не держит и в третьем колене поворота. Значит, ты идёшь в круг с крылом, которое разваливается от неожиданности. Хочешь спорить — спорь послезавтра, на песке. Сегодня просто встань в строй и не позорь столицу перед провинцией.

Ренник открыл рот. Закрыл. Встал в строй.

Ивет развернула Аммета и остановилась напротив Лирии.

Смотрела она долго. Не так, как смотрят на диковинку, и не так, как смотрят на врага. Она смотрела на постановку крыла, на посадку шеи, на то, как Зефир держит вес, — Лирия сама так осматривала бы новый инструмент, прикидывая, что им можно сделать и где он сломается.

— Быстрый, — сказала Ивет наконец. — Крылья великоваты. Верткий, значит. И долго не потянет.

— Потянет сколько надо.

— Это все говорят. — Ивет чуть наклонила голову. —

Про тебя рассказывают, что ты поёшь на драконьем и снимаешь руны. Я в это не верю.

— Ваше дело.

— Моё. — Она помолчала. — Но я проверю. Не на слово, а на песке. Три к одному против тебя, Эмбервуд. Мне интересно, сколько из этого правда.

Она отъехала. Зефир проводил Аммета взглядом.

Он не сонный, — сказал он с уважением, какого Лирия у него давно не слышала. — Он бережёт себя. Это разные вещи.

Ударили трубы.

Герольды в красно-чёрных табардах вышли по борту, встали через каждые двадцать шагов, и медь их труб брала так высоко, что трибуны замолчали сами. Распорядитель Турнира, толстяк в лиловом, поднял жезл.

— Присяга! — крикнул он, и голос его подхватило эхо чаши. — Всадники, кто не приносил её раньше, — за мной, слово в слово. Прочие — подтверждают вслух.

Обережный круг зажгли.

Лирия не знала, чего ждать, и потому вздрогнула. По самому борту арены, по всей окружности, побежал низкий белый свет, и вместе с ним пришёл запах — жжёная соль, резкая, сухая, от которой тут же заломило в висках. Кожа на руках стянулась. Зефир мотнул головой.

Давит.

«Терпи. Он гасит только то, что летит наружу. Внутри мы

целы.»

Всё равно давит.

Стражники обережного круга стояли вдоль борта с длинными шестами — тяжёлые, гасящие, с медными набалдашниками. Их было много. Лирия насчитала штук двадцать и перестала, потому что в центре подняли жезл.

Слова были старые и простые.

Она повторяла их вместе со всеми, и странно было слышать, как тридцать с лишним голосов на арене складываются в один, и как этот один голос уходит вверх, к чёрному небу над чашей. Она обещала не поднимать оружия на дракона, не нарушившего Договор. Обещала признавать над собой Договор и суд короны. И взамен получала защиту от драконьего пламени, которую всё равно никогда не собиралась проверять.

Договор, подумала она. Триста двенадцать лет. Все повторяют слова и никто не спрашивает, кому именно их говорят.

Ты сейчас думаешь громко, — заметил Зефир.

«Извини.»

Мне нравится. Продолжай.

Присяга кончилась. Обережный круг остался гореть, и висок ныл ровно, как больной зуб.

Потом их развели по центру, и всё изменилось.

Трибуны стихли не сразу, а слоями, сверху вниз, будто кто-то опускал на них крышку. К тому времени, когда участники выстроились напротив южной стороны, на арене стояла

такая тишина, что было слышно, как под кем-то из драконов скрипит песок.

Королевская ложа висела над песком невысоко, шагах в двадцати. Её было видно всю.

Она оказалась не золотой. Тёмное дерево, тёмная ткань, и по бокам, у самых перил, стояли жаровни — четыре штуки, большие, полные углей. От них шёл зной, видимый, дрожащий, и в этом зное сидел под меховым покрывалом старик.

Тедрик Эмберкроун был укрыт до груди, хотя на арене от факелов и жаровен дышать было нечем. Лирия видела худое лицо, седую бороду, руку на подлокотнике. Рука лежала неподвижно. Он не махал, не кивал, не поворачивал головы; он смотрел на песок, и было совершенно непонятно, видит ли он его.

За спинкой его кресла стояла молодая женщина.

Не сидела. Стояла — прямо, положив ладонь на резной верх кресла, в тёмно-красном платье без единого украшения, и её было видно лучше, чем короля, именно потому, что она стояла. Двор внизу и по бокам сидел. Она — нет.

— Принцесса Ровена, — шепнула Нэя от борта. — Она всегда так. Всегда за креслом.

Лирия смотрела и понимала: это не почтение. Это чтобы двадцать тысяч глаз, глядя на трон, каждый раз видели над ним её.

Ровена скользнула взглядом по строю участников. Никакого выражения. Так смотрят в окно на погоду, которую всё

равно не изменить.

А чуть в стороне и ниже, в первом ряду ложи, сидел маленький сухой мужчина в простом сером камзоле.

Лирия нашла его глазами не сразу, а найдя — уже не смогла отвести. Вокруг было золото, бархат, гербы, цепи, а он сидел в сером, без единой блестящей нитки, и держал на коленях доску с бумагами. Пальцы в чернилах. За весь вечер он ни разу не посмотрел на арену дольше, чем на секунду: он смотрел на ложи, на людей, на то, кто с кем говорит.

— Ортан Грейвинд, — сказала Астрид рядом.

Она сказала это так, что Лирия обернулась.

Наставница стояла, отставив ногу, и лицо у неё было каменное. Тридцать шесть дней, подумала Лирия. Тридцать дней прошение пролежало у него в канцелярии, пока они были во Фламенхолле, и шесть дней, пока они сюда шли. Десять искалеченных драконов в лазарете Академии. Бумага об их корме, мазях и жаровнях лежит вон в той стопке или ещё где-то ниже. И вот он, живой, в двадцати шагах, чешет что-то пером и не поднимает головы.

— Он даже не знает, что мы здесь, — сказала Лирия.

— Знает, — сказала Астрид. — Он всё знает. Это хуже.

Распорядитель поднял жезл, и герольды дали трубы.

— Турнир Стихий! Порядок кругов!

Он читал долго, красиво и совершенно бессмысленно для тех, кто уже выучил регламент наизусть. Отборочный круг завтра, на закате. Круг Ветра, круг Камня, круг Огня. Пары

назначаются жребием. Задеть сигнальный трос над ареной — потерять круг целиком.

Лирия слушала вполуха.

— И по воле короны, — сказал распорядитель, и голос его стал сочнее, — в нынешнем году Турнир открывается новым обычаем!

Трибуны шевельнулись. Ждали.

— Перед каждым кругом двор и город увидят показательные бои и потехи! Огненные фигуры, ловля колец, схватки на песке! А выступят в них — драконы самой Арены Стихий!

И трибуны заревели.

Они ревели так, что Лирия ощутила рёв рёбрами. Двадцать тысяч радовались, топали ногами по каменным ступеням, свистели, и в этом реве кто-то уже выкрикивал имена — у турнирных драконов, оказывается, были прозвища, и толпа их знала.

Восемь голов. Приписанных к арене. Старых, отслуживших в пограничных крыльях, без всадников и без домов.

Она обернулась к Астрид и по её лицу поняла, что не ошиблась.

— Показательные, — сказала Астрид ровно. — Это когда двух стариков стравливают на потеху, а тот, кто первым ляжет, вечером идёт под нож, потому что кормить лежачего невыгодно.

Лирия не сразу поняла, что стоит, вцепившись в ремень

сбруи. Пальцы разжались с трудом.

— А если за него заступиться? — спросила она.

— Кому, девочка? — Астрид даже не обернулась. — Твоё слово тут весит ровно ноль. Моё — тридцать шесть дней в чужой канцелярии.

Лирия, — сказал Зефир.

Он сказал это иначе, чем всё до сих пор. Без дерзости, без иронии, коротко и как-то вниз.

Слушай.

Она послушала.

С той стороны арены, где борт уходил в тень, под трибунами чернели решётки — нижние загоны Драконьих Ярусов, вырубленные прямо под чашей. Оттуда тянуло тёплым и звериным, соломой и старой чешуёй. И оттуда не шло ни звука.

Ни рёва, ни возни, ни ответа на весь этот грохот наверху.

Восемь драконов сидели внизу и молчали.

Лирия шагнула к борту раньше, чем подумала. Никто не остановил её: строй рассыпался, участники расходились, лиловый жезл уже кланялся ложе. Она прошла вдоль борта шагов тридцать, до самых решёток, и остановилась.

За прутьями было темно. Потом темнота шевельнулась.

Он лежал у самой решётки, подобрав лапы, — старый бурый дракон, огромный, куда больше Зефира, с широкой седеющей мордой. Через левое крыло у него шёл шрам, толстый и белый, старый настолько, что чешуя вокруг успела нарасти заново. Он лежал спокойно. Слишком спокойно. Он

не поднял головы, когда она подошла, не потянул ноздрями, не сделал ничего из того, что делает дракон, когда рядом чужой.

Он просто открыл глаза и подождал, пока она уйдёт.

Глаза у него были жёлтые и совершенно пустые. Не злые, не испуганные, не сонные. Пустые, как окна в доме, из которого вынесли всё.

Лирия знала эти глаза. Она видела такие во Фламенхолле, десять пар, в лазарете, где Астрид третий месяц выпрашивала у короны деньги на мази.

— Оррин, — сказала она тихо. Имя всплыло само: его выкрикивали с трибун, среди прочих.

Дракон моргнул.

И ничего. Ни звука в ответ, ни отзвука пения — той тёплой тяжести под горлом, которая приходила всегда, когда рядом отзывался дракон. Тишина там, где дракон должен отвечать.

За спиной у неё трибуны хохотали и топали, требуя потех, и герольды трубили отбой, и звонкий голос из центра желал городу приятного вечера.

Лирия стояла у решётки и считала. Один день до отбора. Три круга до финала. Три к одному, что она вылетит сразу.

А по ту сторону прутьев лежал старик, которого завтра или послезавтра выведут на чёрный песок под этот самый рёв — и он выйдет, потому что не сможет не выйти, и будет драться, пока за него кто-нибудь не заступится.

Заступиться было некому. У турнирного дракона нет ни всадника, ни дома.

— Я приду, — сказала она сквозь прутья.

Оррин закрыл глаза.

Глава 7. Полоса вех

Утро на шестом ярусе стояло такое стылое, что дышать получалось короткими мелкими глотками, и в горле оставался вкус железа. Внизу, на третьем, ещё держалось тепло подземного жара, а здесь, наверху, ветер шёл прямо из ущелья — чужой, острый, ничем не пахнущий. Лирия три раза проверила затяжку нагрудного ремня и на четвёртый заставила себя опустить руки.

Руки дрожали. Не от холода, и врать себе смысла не было.

— Ещё раз потянешь пряжку — сорвёшь резьбу. — Элиза даже не повернулась. Она стояла у соседнего створа, прямая, как древко, и по ней нельзя было прочесть ни страха, ни бессонницы, хотя Лирия точно знала, что Элиза не спала: половину ночи она возилась с левым крылом Пирра, растирая сустав греющей мазью.

— Я не тяну. Я проверяю.

— Ты тянешь и называешь это проверкой. Это разные вещи, Эмбервуд.

Зефир фыркнул через связь, коротко и весело. *Она права.*

Ты на чьей стороне?

На стороне пряжки. Пряжка мне ближе. Она хотя бы молчит.

Предстартовая зона была вырублена прямо в скале — длинный крытый карман с восемью створами, выходящими

на пустоту. За створами не было ничего: сразу обрыв, потом чаша арены далеко внизу, потом город на террасах, отсюда похожий на разложенные ступеньками чёрные ящики. Над чашей на разной высоте были натянуты тросы, и ветер тянул из них ровный тонкий звон, от которого зубы ныли. Мальчишки-подручные с шестами длиной в три роста бегали по карнизам и перезаряжали вехи — цветные полотняные крылья на растяжках, шестнадцать штук, красные, потом синие, потом одна белая, последняя.

— Первая четвёрка, к створам! — крикнули от сигнальной вышки, и медный свисток разрезал звон тросов пополам.

Лирия шла во второй четвёрке. Ей от этого не стало легче.

Зефир стоял рядом, поджарый, серебристо-серый, и в утреннем свете по его лопаткам шла синева. Он был доволен собой заранее — это чувствовалось через связь, как тёплое течение под холодной водой. Он всегда был доволен собой, когда на него смотрели, а на него смотрели: столичные всадники разглядывали провинциального дракона с тем ленивым интересом, с каким разглядывают чужую собаку на рынке.

А потом створ рядом заняла гора.

Штормовой дракон Ренника Стормвейла был вдвое тяжелее Зефира и на добрых полкорпуса выше в холке. Тёмно-синий, почти чёрный, с широкой грудью и короткой мордой, он занял свой створ и половину соседнего, лениво повёл хвостом — и Зефир отступил к стене ложи: удар пришёлся бы ему прямо по рёбрам.

— Смотрите-ка, — сказал Ренник сверху, из седла. Он уже сидел, и сидел красиво: спина, колени, подбородок — всё как на гравюре. — Фламенхолл всё-таки приехал. Я думал, вы вчера погорели на чепраке и уехали домой.

— Мы платим за чепрак, — сказала Лирия. — Он в счёте у распорядителя. Тридцать два медяка.

— Тридцать два, — повторил Ренник с удовольствием. — Вот в этом вы вся. Вы даже мстите на тридцать два медяка.

Штормовой махнул снова, на этот раз ближе, и Зефир прижал уши к черепу. У Лирии само собой стянуло спину между лопаток, будто задели её собственную кожу. В резонансе так и было: ему тесно — ей тесно.

Он делает это нарочно.

Знаю.

Он пахнет спокойно. Это плохо. Люди пахнут спокойно, только когда всё решили заранее.

Ещё один заход прижал Зефира к самой стене, и он зашипел — коротко, зло, с той белой искрой в горле, которая у него всегда шла раньше мысли. Лирия шагнула вперёд, ещё не зная, что скажет, и уже понимая, что говорить нельзя: скандал перед взлётом судьи пишут в лист, а лист потом читают вслух.

Она не успела.

Каэл вышел из тени карниза так тихо, как умел только он, взял штормового дракона за оба повода у самой пряжки и повёл его в сторону. Дракон весил в тридцать раз больше него

и мог стряхнуть его одним движением шеи. Он не стряхнул. Каэл шёл ровно, не оборачиваясь и не глядя на Ренника, и штормовой пошёл за ним, потому что рука на поводе была спокойная, а спокойную руку драконы слушают.

— Ваш створ левее, — сказал Каэл, отпуская повод. — Судьи уже смотрят. Не стоит.

— Норрингтон. — Ренник улыбнулся. — Твой отец знает, кому ты нынче держишь стремя?

— Мой отец знает, что я не люблю повторять.

Он сказал это тише, чем предыдущую фразу, и Ренник почему-то замолчал. Каэл отошёл, не взглянув на Лирию. Ни кивка, ни слова, ни даже той короткой мелочи, за которую можно уцепиться. Он держал дистанцию на людях с самого Пириона, и она знала почему: стоит ему один раз при всех встать рядом — и её место в сетке назовут подарком дома Норрингтон. Знала. И всё равно каждый раз в этот момент ремень нагрудника вдруг оказывался затянут слишком туго.

— Вторая четвёрка! По сёдлам!

Лирия взялась за седельную скобу, и Зефир подставил плечо привычным движением, чуть присев. Кожа сбруи была холодной, ремни легли, пряжка — та самая, латунная, запасная, из кармана Элизы, — щёлкнула чисто.

— Эмбервуд, — сказала Элиза.

Лирия обернулась.

— Шестая веха стоит над карнизом, там ветер бьёт снизу. Пирр вчера чуть не собрал этот карниз мордой. — Элиза по-

молчала ровно столько, чтобы стало ясно, что дальше будет неприятное. — Не геройствуй. Просто пройди.

— Спасибо.

— Я тебе не желала удачи. Я объяснила устройство ветра.

Гонг ударил из чаши — тяжёлый медный удар, от которого дрогнул створ. Зефир подобрался весь, от загривка до последнего когтя, и Лирия почувствовала его радость: чистую, звериную, ничем не омрачённую радость перед высотой.

Готов?

Я родился готовым. Держись, пожалуйста.

Он сказал «пожалуйста». Он никогда не говорил «пожалуйста».

Створ распахнулся в пустоту, и они упали в неё.

Первые полторы секунды это было именно падение — Зефир не взлетал, он сваливался с карниза, складывая крылья, чтобы разогнаться, и город летел навстречу чёрными ступенями. Желудок Лирии остался наверху, в предстартовой зоне. Потом крылья раскрылись, воздух ударил под ними, как вода под днищем, и падение стало полётом.

Ветер вырвал слёзы из глаз мгновенно.

Первая веха, красная, висела над северным бортом чаши, и Зефир прошёл её так близко, что полотнище хлопнуло Лирию по сапогу. Вторая. Третья. Внизу мелькнули трибуны — сплошная серая рябь лиц, и гул поднимался от них тёплым столбом. Хронометристы на вышках переворачивали песочные склянки и дули в свистки, и каждый свисток означал,

что кто-то прошёл ворота вовремя.

Слева.

Штормовой шёл слева и выше, и шёл он не по своей линии. Ренник срезал угол между третьей и четвёртой вехой — правила Круга Ветра столкновений не запрещали вовсе, — и от его тяжести воздух за ним рвался длинными закрученными жгутами. Зефир попал в один такой и провалился на добрых три роста, прежде чем выгреб.

Лирию мотнуло, ремень врезался в бедро. Она стиснула колени и перестала думать словами.

Дальше пошло то, ради чего вообще стоило садиться в седло.

Они с Зефиром не разговаривали в полёте. Они делили зрение: она видела вехи его глазами — золотыми, широкими, ловящими одновременно и левый борт, и правый, — а он чувствовал её руки на гребне и вес её тела, наклонённого раньше поворота. Пятая веха, синяя. Шестая — над карнизом, где ветер бьёт снизу.

Элиза не соврала. Восходящий поток поймал их у самого полотнища и подбросил, и веху они прошли брюхом кверху, вниз головой, и весь Пирион на мгновение оказался у Лирии над макушкой, а небо — под сапогами. Зефир вывернулся, дал полкруга бочкой и лёг на курс.

Тебе понравилось.

Мне понравилось.

Мне тоже. Не отвлекайся.

К десятой вехе они шли вторыми. К двенадцатой Ренник понял, что провинциальная гончая не отстаёт, и перестал притворяться, что просто летит.

Двенадцатая веха стояла в узком месте: полоса шла между двумя выступами шестого яруса, и над ней, на два роста выше, тянулся сигнальный трос. Пространства там было ровно на одного дракона. Зефир входил в горловину первым, на полкорпуса впереди.

Штормовой пошёл на него сбоку — всей массой, разворачиваясь так, чтобы вытеснить лёгкого на внешнюю дугу виража, где ждали гасящие сети. Лирия увидела это чужим, драконьим зрением: тёмно-синюю стену, идущую наперерез, распахнутую пасть — и глаз штормового, круглый, ни в чём не виноватый глаз животного, которое ведут туда, куда оно не хочет.

Времени не было ни на что.

Она навалилась вперёд, всем телом, и Зефир понял раньше, чем она додумала.

Он сложил крылья.

Они провалились под брюхо штормового так близко, что Лирия слышала, как чужая чешуя идёт над её спиной, и её обдало сухим жаром, как от печной заслонки. Гребень штормового прошёл в ладони от её затылка. Она пригнулась к шее Зефира и уткнулась лицом в его чешую, и чешуя была тёплой.

А Ренник, довернув в пустоту, где только что был враг,

задел крылом сигнальный трос.

Звук пришёл отовсюду разом: звонкий, дребезжащий, длинный — так рвётся натянутая проволока. С вышек взвыли свистки. Штормового мотнуло, он захлопал крыльями, теряя ход, и остался позади, а на трибунах поднялся тот особый рёв, который бывает, когда двадцать тысяч человек одновременно понимают, что произошло что-то незаконное.

Круг Ренника не засчитали. Лирия узнала об этом потом.

А тогда впереди была последняя веха, белая, и песочная склянка на главной вышке уже показывала дно.

Зефир вытянулся в струну. Крылья били коротко и часто, воздух свистел так, что закладывало уши, и Лирия перестала чувствовать пальцы. Веха росла. Веха была близко. Веха оказалась вплотную — и полотнище хлестнуло по крылу, и медный свисток ударил в тот самый момент, когда последние песчинки ушли вниз.

Три секунды. У них осталось три секунды до штрафа.

Гул трибун накрыл их с головой, и Зефир, вместо того чтобы пойти на посадку, встал на крыло и прошёл над рядами низко, красуясь, — потому что на него смотрели, а он этого ждал всю жизнь.

Прекрати.

Ни за что.

На посадочной полосе к ним подбежал распорядитель с доской и объявил результат так буднично, будто читал список белья из прачечной. Время такое-то. Штрафов нет. Ме-

сто в сетке — четырнадцатое из шестнадцати.

Четырнадцатое. Последние два места разыгрывали ещё два заезда, и это уже не имело значения.

Они прошли.

Лирия слезла с седла и обнаружила, что ноги её не держат. Она села прямо на камень, тут же, у Зефирова плеча, и стала смеяться, и смех выходил рваный и совершенно дурацкий, и остановить его не получалось.

Кто-то встал над ней, заслонив свет.

Ивет Санстрайк смотрела сверху вниз, сложив руки на груди. На ней была лётная куртка королевского крыла, золотые кольца в ушах, и вид у неё был такой, будто она пришла сообщить о чьей-то смерти.

— Ты вошла в шестую веху с недобором высоты, — сказала она. — Тебя спас восходящий поток, а не расчёт. Если бы ветер в это время шёл вниз, ты бы собрала карниз лицом.

— Спасибо, — сказала Лирия.

— Я не хвалила. — Ивет чуть склонила голову. — Пике под брюхо в горловине. Ты решала это меньше чем за секунду?

— Я вообще это не решала.

— Хуже. Значит, у тебя это в руках, а не в голове. — Ивет помолчала. — С этим на Круге Ветра тебя не хватит. Приходи на вышку послезавтра, я покажу, как считают вираж. И, Эмбервуд. — Она уже повернулась уходить. — Стормвейл теперь будет ждать тебя весь Турнир. Он не умеет проигры-

вать по-другому.

Она ушла. Лирия сидела на камне и медленно понимала, что чемпионка прошлого Турнира только что предложила ей учить её летать.

Она мне нравится, — сказал Зефир. — У неё дракон тоже ленивый и притворяется, что ему всё равно.

К вечеру они спустились на третий ярус, и Пирион успел смениться другим городом. Наверху был холод и звон проволоки, здесь — тёплый камень, дым из низких труб, скрип верёвочных подъёмников, которые в этом городе не замолкают никогда.

Гостевой Двор Академии встретил их запахом подгоревшей ячменной каши.

— Она не подгорела! — крикнула Нэя из-за стола. — Она с корочкой! Это разные вещи!

— Это одна и та же вещь, — сказала Элиза, вешая куртку на гвоздь. — С двух сторон.

Общий зал подворья был низкий, закопчённый, с очагом посередине и щербатым столом на восьмерых. Академия держала это подворье с восьмого года Договора и все триста лет не могла его себе позволить. Сальные свечи чадили. В окне было видно двор, а во дворе — насест, а на насесте Зефира, который делал вид, что спит, и при этом одним глазом следил за дверью кладовой.

Нэя прошла в сетку в своём заезде тоже — шестнадцатой, последней, с двумя штрафами и разбитой губой, и была этим

счастлива до неприличия.

— Так, — говорила она, раскладывая на столе медяки стопками по десять штук. — Во-первых, я летала ужасно. Во-вторых, я в сетке. Порядок пунктов отражает мою честность, а не мои достижения. В-третьих!

Она подтолкнула к Лирии четыре стопки.

— Это твоё. Точнее, не твоё, а Норрингтона, но он сказал отдать тебе, а я передаточное звено при исполнении, я обязана.

Лирия посмотрела на медь.

— Он поставил на меня?

— Три к одному, — сказала Нэя с восторгом. — Последний свой медяк. Я видела книгу, там его имя, там всё написано, я летописец, я записала. — Она вдруг понизила голос до заговорщицкого шёпота, что при её голосе означало, что услышали все. — И заметь, он не подошёл. Он передал через меня. Он передал. Через. Меня.

— Нэя.

— Молчу. Я просто фиксирую для потомков.

Каэл сидел у очага и чинил ремень нагрудника, не отрываясь от работы. Уши у него, впрочем, покраснели, и Лирия старательно разглядывала свою кружку.

Элиза уже достала суровую вощёную нить и зашивала продранный о базальт край лётной перчатки — молча, ровными стежками, наклонившись к свече. Она делала это так же, как всё: будто перчатка была последним, что у неё оста-

лось, и никто не должен был об этом догадаться.

Лирия отогревала пальцы о кружку. Пальцы были сбиты в кровь о ремни, и Нэя, договорив, взялась их перевязывать полосками старой рубахи, и делала это плохо, туго и с большой любовью.

За дверью раздался шум, потом возмущённое хмыканье Каэла, и все обернулись.

Зефир протиснул морду в дверной проём — целиком он туда не помещался, и его это никогда не останавливало. Он положил подбородок на порог, потянулся и очень аккуратно, тёплыми губами, вытянул из кармана Каэлова плаща кусок сушёной репы.

Каэл не шевельнулся. Он продолжал чинить ремень с лицом человека, который совершенно не замечает, что у него из кармана ворует дракон.

— Он тебя грабит, — сообщила Нэя.

— Я знаю.

— И ты ничего не сделаешь?

— Я положил её туда утром, — сказал Каэл.

Зефир захрустел с достоинством победителя, и Лирия впервые за день выдохнула по-настоящему.

Астрид вошла, когда каша уже остыла окончательно.

Она пришла с улицы, в мокром от вечернего пара камзоле, расстёгнутом, как всегда, и хромала сильнее обычного — значит, к ночи будет дождь. Она не стала снимать плащ. Не подошла к очагу. Она остановилась у стола, и по тому, как

она остановилась, Лирия поняла, что праздник кончился.

— Драконхарт? — Элиза отложила перчатку.

Астрид молчала. Она смотрела на медные стопки, на перевязанные пальцы Лирии, на Нэину разбитую губу, и Лирия видела, как ей не хочется говорить то, за чем она пришла.

— Сегодня вы обе хорошо летали, — сказала Астрид наконец. — Это правда, и я хочу, чтобы вы её помнили, потому что дальше я скажу другое.

Она вытащила из-за пазухи свёрнутый лист и положила на стол.

Это была выписка из судейской канцелярии — плотная бумага, две колонки, приписные номера участников, печать внизу. Обыкновенная скучная бумага, каких Лирия за жизнь видела сотни.

— Я ходила за приписным номером, — сказала Астрид. — Их выдают по заявкам школ. Я хотела заодно узнать, почему нам дали два места, когда просили одно. — Она помолчала. — Нам не давали два места, девочка. Нам дали одно. Второе пришло не от нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.